

Разбойничья злая луна

Автор:

Евгений Лукин

Разбойничья злая луна

Евгений Юрьевич Лукин

Слепые поводыри #3

В палящем зное пустыни плывут деревянные корабли, которые волокут по песку упряжки каторжан. Вода – вот то, к чему тянется все живое, и власть над водой – власть над жизнью. Каково это – тащить каторгу тому, кто некогда владел водой?..

Когда над миром встает разбойничья злая луна, случается всякое... Отпрыск древнего рода в одночасье становится бесправным рабом на песчаной галере. Но судьба играет с ним как хочет – и вскоре он уже не раб, а главарь шайки разбойников, песчаные корабли которых наводят ужас на окрестные земли...

Мир, созданный фантазией Евгения Лукина, правдоподобен вплоть до мельчайших деталей – и одновременно фантастичен в лучших традициях жанра.

Евгений Лукин

Разбойничья злая луна

Глава 1. МИРАЖИ НАД КРАСНОЙ ПУСТЫНЕЙ

Неисправим человек: раздет, избит, обобран – а все еще требует какой-то справедливости! Ну сорвут с лица повязку, выведут в пустыню, отпустят шагов на двадцать – и, приказав обернуться, шевельнут по команде чуть вогнутыми зеркальными щитами. И вспыхнет, ослепит, полоснет нестерпимо белое колющее пламя – собственно, последнее, что ты запомнишь, не считая, конечно, боли. Рассказывай потом матери-верблюдице, как справедливо поступили с тобой на земле...

А ведь самое забавное, что и впрямь справедливо... Вспомни: когда этот ублюдок Орейя Четвертый отрекся, разве не ликовал ты вместе со всеми? Ах да, конечно... Ликовал, но по другому поводу. По поводу грядущей свободы Пальмовой Дороги. Я даже не спрашиваю, зачем она была тебе нужна, эта свобода... Родина? Да знаешь ли ты вообще, что это такое? Это то, что выведет тебя в пустыню и, отпустив на двадцать шагов, прикажет обернуться...

Такие вот изысканно-крамольные мысли складывались под белой головной накидкой, прихваченной потертым кожаным обручем. Владелец и накидки, и мыслей, рослый молодой человек в просторном выжженном солнцем балахоне... Да полно, молодой ли? Лицо человека скрывала повязка, смуглый лоб был собран в морщины, и поди пойми: на несколько мгновений собран или уже навсегда... Глаза – безнадежно усталые, с затаенной горькой усмешкой. Вообще с возрастом в пустыне – сложно. Думаешь – старик, а ему чуть больше двадцати. Хотя тут за одно утро постареешь, если вот так, упираясь, налегать из последних сил на отполированный ладонями пятый брус правого борта!

Торговая каторга – скрипучий деревянный корпус на четырех бочонкообразных колесах, снабженный коротенькой мачтой – ползла по краю щебнистой пустыни Папалан. Кончик длинного вымпела, именуемого хвостом, уныло волочился по камням. Нос каторги был нелепо стесан. Раньше там красовалась резная верблюжья голова с толстым рогом во лбу, но после памятного указа пришлось ее срубить...

В путь двинулись, едва рассвело. На ночной переход хозяин не отважился: места самые разбойничьи, да и луна вот-вот станет полной...

Под широкими ободами скрипел и потрескивал красноватый, быстро накаляющийся щебень. Мерно ступали ноги в широких плоских башмаках-пескоступах. Каторжанин загадочных лет, идущий за пятым брусом, помалкивал. Зато напарник его, чей преклонный возраст скрыть было уже

невозможно, начал ворчать еще до рассвета...

– Не тому поддались... не тому... – озабоченно шамкал он, и каторжанину помоложе невольно пришло в голову, что его мысли каким-то образом передались старику. Хотя, кто знает, может быть, сейчас и на правом борту, и на левом все думали об одном и том же...

Вообще примечательный старикан. Повязка, прикрывающая серое, растрескавшееся, как такыр, лицо, приспущена чуть ниже переносицы, на месте впалого рта – влажное пятно. Брови – дыбом, выпученные бессмысленные глаза. И все время бормочет, бормочет...

– Раньше – да... Раньше – жили... А чего не жить?.. Катят каторгу голорылые, а мы им: «Куда?..» Они: «Да в Ар-Нау...» – «А ну по денежке с бруса – и кати дальше...» А теперь вот сами брус толкаем... Срамота...

Колыхались прозрачные полотнища зноя, изгибая волной красноватую, плоскую, как церемониальный щит, равнину. Трепетала над бортом матерчатая, пока еще бесполезная покрывка. В полдень от нее какая-никакая, а тень, но утром солнце жалит сбоку и укрыться от него невозможно. Разве что повезет – и твой борт окажется тенивым. Сегодня вот не повезло... Плохо смазанная задняя ось жалобно скулила по-собачьи. А старик все бубнил:

– Орейя им, видишь, не угодил... Свободы захотелось... У, вар-раны...

Его молчаливый сосед ткнулся залитой потом бровью в тройную схваченную нитью складку на правом плече. Шамканье старика уже начинало надоедать.

– Вот выйдет указ – и все... Будем тоже тогда ходить голорылые...

– Ох, доболтаешься, дед! – не выдержав, сказал молчаливый. – За голорылых сейчас к брусу на год приковывают. А за Орейю и вовсе...

Старик вздрогнул и выкатил на соседа глаза. Надо полагать, он и не подозревал, что мыслит вслух.

– Ты... это... – молвил он наконец, проморгавшись. – Сам-то... Молодой еще... Вон три складки на плече сделал... А за такое тоже, знаешь, что бывает?..

Тот не ответил и покрепче налег на отполированное ладонями дерево.

«Добраться бы до тени, – тоскливо подумал он. – Прилечь под взбрызнутой листвой, и чтобы кувшинчик вина в мокрой фуфаечке на металлическом блюде с водой... Сколько же еще толкать этот брус? Ох, не сделает хозяин утреннего привала – места опасные, ровные... Того и гляди разбойнички накатят. Да тот же тезка Шарлах, к примеру... Почти тезка. Убрать титул, добавить в конце букву «иат» – и будем полные тезки... Шарлах... Кличка, конечно... Явно простолюдин и, скорее всего, из отцовской тени. Может быть, я даже с ним когда-то играл мальчишкой... Играл, спорил, дрался... Только звали его тогда, конечно, по-другому... А интересно было бы встретиться...»

– А? Что? – заламывая бровь, грозно вопрошал тем временем старый каторжанин. Надтреснутый голос его разносился вдоль борта, кое-кто за другими брусьями уже посмеивался. – Три складки! Да ты знаешь, вообще, что это такое – три складки?.. Ты кто? Имя твое – как?

– Ар-Шарлахи, – внятно отозвался тот, что помоложе.

Борт дружно взгоготнул и вдруг примолк.

– Правда, что ли? – недоверчиво спросили откуда-то сзади.

Назвавшийся Ар-Шарлахи не ответил. «Ничего не хочу, – думал он. – Добраться до тени, рассчитаться с хозяином, хлебнуть прохладного вина, отчудить что-нибудь этакое... посмешнее... подцепить какую-нибудь... податливую, круглолицую...»

– Эх... – горестно вздохнул кто-то. – Ну мы – ладно! Но когда уже и владыки каторгу катают – это что же такое делается?..

– Ничего! – злорадно отвечали ему с того борта. – Проспали Пальмовую дорогу – пусть теперь катают!..

Внезапно в спину толкнул теплый, почти уже горячий ветер. Потом снова. Затрепыхалась, захлопала над головой матерчатая покрывка. А вот это весьма кстати. Так, глядишь, и парусок поставим... Хотя опять же разбойнички... Им этот ветер тоже на руку.

Где-то там вверху по настилу забегали, засуетились, хлопнуло плетенное из пальмовых волокон полотнище – и каторга рывком прибавила ход. Щебень бойко затрещал под колесами, шаг пришлось удлинить. Каторжане теперь просто шли за брусьями, скорее опираясь на них, нежели толкая.

Хрустнув щебнем, спрыгнул на землю повеселевший хозяин. Был он подобно большинству уроженцев Пальмовой дороги крепок, высок, костляв. Одежда – почти такая же, что и у каторжан: широкий белый балахон да прихваченная обручем головная накидка – поновее, правда, почище, чем у других... Внимательные темные глаза над приспущенной повязкой насмешливо прищурены. Плащ на правом плече заботливо уложен широкой складкой – стало быть, тоже не из простых.

Оглядел борт и зашагал рядом. Ноги решил размять. Ну и язык заодно.

– Что приуныли, скарабеи? – бодро окликнул он каторжан. – Кати-кати, до полудня еще далеко! Вот выйдем к сухому руслу – там и отдохнем!..

– Да кивающий молот меня раздробит!.. – еле слышно процедил все тот же злой голос с левого борта. – Шарлаха на тебя нет с Алият...

К счастью, владелец каторги не расслышал. Или сделал вид, что не расслышал.

«Алият?.. Странно... – подумалось Ар-Шарлахи. – Это ведь он наверняка какого-то разбойника помянул. А имя – женское... Неужто и бабы в разбой пустились? Да, времена...»

– Хорошо хоть хозяин свой... – снова забормотал идущий справа от Ар-Шарлахи старикан. – А вот к голорылому попадешь – намаешься...

– Все ворчишь? – добродушно осведомился хозяин, чуть приотстав и поравнявшись с пятым брусом. Глаза над повязкой стали вдруг тревожны, меж

упрямых бровей залегла складка. – Вот когда вдоль русла пойдем – наломаемся, – сообщил он как бы по секрету. – Там по левую руку такие барханы ветром намыло – каторгу не протолкнешь. А придется – куда денешься?..

– А правее взять? – спросил Ар-Шарлахи, поскольку хозяин, судя по всему, заводил разговор именно с ним.

– Правее... – Владелец каторги усмехнулся, колыхнув дыханием повязку. – Если правее – как раз на Шарлаха и накатишь. Ищи тогда правды! Особенно теперь, после указа...

Красная пустыня Папалан скалилась крупными обломками, дразнила миражами. Уже дважды надвигалось на каторгу сухое русло с грядой белых, как кость, барханов и, помаячив, снова втягивалось за ровный горизонт. Каторжане взирали на жестокие эти чудеса равнодушно – все знали, что до сухого русла еще идти да идти. Морок он и есть морок... Пожалуй, один лишь придурковатый косоплечий подросток, изнемогающий с непривычки за третьим брусом, каждый раз с надеждой въедался глазами в невесть откуда возникшие здесь пески.

– Что за указ, почтеннейший? Какой-нибудь новый?

Хозяин насупился и некоторое время шел молча. Скрипел щебень, ныла задняя ось, горячий ветер трепал края полога.

– Государь наш, непостижимый и бессмертный, – не разжимая зубов, сказал наконец хозяин, – изволил издать указ, что разбоя в подвластных ему землях больше нет.

От изумления у Ар-Шарлахи даже усталость прошла.

– Как? – выдохнул он в полном восторге.

– А так, – буркнул хозяин. – Тот же, кто утверждает, что каторга его была разбита и ограблена, есть клеветник и подлежит наказанию.

Некоторое время шли в оторопелом молчании. Потом весь борт разом приглушенно загомонил, зашептался:

– ...Это что же теперь?..

– ...И не пожалуешься?..

– ...Н-ну, скарабеи, дела-а...

– А велико ли наказание, почтеннейший? – громко спросил кто-то с левого борта. На той стороне тоже, оказывается, прислушивались к разговору.

– Судно и товары – в казну, – сухо отвечал хозяин, – а самих – на ртутные рудники, щиты зеркалить.

– Ох-х... – вырвалось испуганно сразу из-под нескольких повязок. Рудников боялись. Уж лучше на цепь в боевую каторгу – во тьме, духоте и вони толкать ногами перекладыны ведущего барабана...

– Жаль... – звучно и задумчиво молвил Ар-Шарлахи. И, выдержав паузу, пояснил в наступившей тишине, нарушаемой лишь скрипом щебня, да поскуливаниями задней оси: – Жаль, что будучи пьян в порту Зибра, прослушал я оглашение великого этого указа...

Хозяин заморгал и уставился на Ар-Шарлахи. Боязливо приснул подросток за третьим брусом. На левом борту кто-то загоготал в голос.

– Нет, право! Божественная мудрость нашего государя подчас страшит меня, а подчас ужасает, – чувствуя приступ вдохновения, невозмутимо продолжал Ар-Шарлахи. – Посудите сами, сколько бы денег и войска потратил иной правитель, дабы смирить разбой в пустынях! Государю же это стоило пергаментного свитка и собственноручной подписи... Всего один росчерк – и вот он, долгожданный покой Пальмовой дороги! Во-первых, ни единой жалобы. Во-вторых, кто же теперь даст себя ограбить? Отныне уже не купец будет бояться разбойника, но разбойник купца...

– Ну ты... осторожнее... – малость придя в себя, молвил с оглядкой хозяин. – Про государя-то...

Но Ар-Шарлахи и сам почувствовал, что пора закусить повязку.

– Удивляться величию мудрости – прямой долг подданного, – кротко заметил он и умолк.

Стало слышно, как на левом борту кто-то из скарабеев давится смехом.

– Ну вы, там! – гаркнул, озверев, хозяин. – На левом! Я вам сейчас похихикаю!.. – Он снова повернулся к Ар-Шарлахи. – Все хотел тебя спросить, досточтимый, – начал он не без ехидства. – А как же так вышло, что ты сам брус толкаешь? Сын владыки, три складки... Как же так?

Ар-Шарлахи вздохнул.

– Жить-то на что-то надо? – нехотя ответил он.

– Так вам же от государя было жалование положено... – вкрадчиво допытывался хозяин. – Не хватает, что ли?

Теперь взгоготнули разом оба борта. Каторжане любили такие представления. Оглянуться не успеешь – уже привал...

– Положено... – Ар-Шарлахи усмехнулся. – А чиновнику, который мне это жалованье привозил, – как полагаешь, почтеннейший? – тоже ведь кушать хочется... Он мне прямо сказал: «Половину – тебе, половину – мне». Да и я тоже хорош: нет чтобы согласиться – пригрозил, что поеду пожалуйюсь в предгорья. А он испугался, дурачок, что в самом деле поеду, ну и послал донос. Будто бы я и разбойник Шарлах – одно и то же лицо. Имена-то похожи...

– И поверили? – ахнул хозяин, с любопытством глядя на благородного каторжанина.

– Поверить – не поверили, а жалованья на всякий случай лишили...

– Да-а... – помрачнев, протянул хозяин. – Времена...

И как бы невзначай огладил широкую складку плаща на костистом своем плече.

Справа на горизонте чуть шевелился и подрагивал черный обуглившийся скелет военной каторги. Казалось, там, в зыбком красноватом мареве, выбирается из норы огромное насекомое. Чуть поодаль чернел еще один остов...

Даже не верится: всего пять лет назад отрекся от престола Орейя Четвертый и последний! Пять лет назад раскололась великая держава, засверкали в пустыне круглые чуть вогнутые зеркала боевых щитов, запылали колесные парусники – и все оазисы вдоль горных отрогов Харвы отделились, ушли, прихватив с собой и Пальмовую дорогу, имевшую глупость в общем угаре поддержать этих голорылых ублюдков...

Краешек хилой тени от матерчатой крыши коснулся наконец лица, но это уже не имело значения. Вскоре каторга, поскрипывая, вползла в настоящую плотную тень слоистого выветрившегося останца, за которым кончалась щебнистая пустыня Папалан и начинались белые прокаленные насквозь барханы Чубарры. Поскольку судно принадлежало купцу, а не престолу, прикованных каторжан на нем не водилось – одни наемники. Скарабеи разбрелись по округе: кто принялся собирать обломки парусника, брошенного когда-то пылевой бурей на эту слоистую выветрившуюся скалу, кто направился с кожаными ведрами к выдолбленному в камне водосборному колодцу; из каторги вынесли жаровню, развели огонь. После неспешной молчаливой трапезы прилегли в тени каждый на своем коврике. Кое-кто удалился за россыпи обломков – не иначе, тайком помолиться верблюду по имени Ганеб. Остальные сделали вид, что не заметили отсутствия товарищей, хотя прекрасно знали: един Бог в Харве, вот уже год как один. Ему и только ему надлежит возносить теперь мольбы и благодарения.

Ар-Шарлахи надеялся вздремнуть, но тут рядом затеяли горячий и на редкость содержательный диспут о том, скольких человек мог вынести один верблюд. Тот же Ганеб, к примеру... Самым горластым спорщиком оказался старик-каторжанин.

– Пятерых? – презрительно вскрикивал он. – А сорок не хочешь? Пя-те-рых!..

– Да это что же они? С каторгу, что ли, были?

– А хоть бы и с каторгу!

Послышалось недоверчивое хмыканье.

– Чего ж они все сдохли, раз такие здоровые?..

– Потому и сдохли! Их же через горы вели! А что им в горах жрать? На вершинах снег один да лед!..

– А я вот чего не пойму, – вмешался еще один голос. – Ну ладно, здоровые они были, с каторгу, ладно... А товары-то на них как возить? Тюки, ящики...

– Н-ну... – Старик замялся, побряхтел. – Под брюхо, видать, подвешивали.

– А почему не на спину?

– На спину! На спине – люди...

– В задницу заталкивали, – не подумав, проворчал Ар-Шарлахи и был изумлен взрывом хохота. Негромкая реплика легла в паузу как нельзя удачнее.

Каторжане ржали самозабвенно, с завизгом. Крикливый старикан пытался их переорать, но с тем же успехом он мог бы соперничать с ревом песчаной бури. А тут еще кто-то предположил, постанывая, как в таком случае этих самых верблюдов разгружали, – и хохот грянул вновь.

Посмеиваясь, подошел хозяин, стал слушать.

– Безбожник ты!.. – заходился старикан. – Вот и видно, что в Харве учился, набрался у голорылых!.. Ученый! Да как у тебя язык повернулся?.. Про верблюдов – такое! Да на них твои предки в этот мир пришли!..

– Э! Э! Скарабеи! – встревожился хозяин. – А ну давай о чем-нибудь другом! Этак вы меня и впрямь на рудники укатаете...

Договорить он не успел, потому что в следующий миг со стороны красноватой пустыни Папалан нахлынул морок. Горизонт словно размыло, и в небе внезапно опрокинулась, зашевелила барханами невиданная зеленовато-серая пустыня. Ар-Шарлахи медленно поднялся с коврика. Он не раз читал о таком и слышал, но видел он это впервые. Вокруг задвигались, вставая, испуганные каторжане. Послышались сдавленные восклицания, шумные судорожные вздохи.

– Что это?

В синевато-серых волнующихся барханах тонул странный корабль – с мачтами, но без парусов. Серый, ошестинившийся какими-то трубами... Пустыня вобрала его необычно массивное тулово так глубоко, что колес уже не было видно. Да нет, колес просто не было... Не было и быть не могло.

– Море, – глухо сказал Ар-Шарлахи, и в этот миг видение сгнуло. Несколько секунд все стояли не шелохнувшись и слепо смотрели в опустевшее небо над красной щебнистой равниной.

– А... а что это... море? – заикаясь спросил подросток.

– Смерть, – жестко бросил кто-то из каторжан. – Увидел – значит, готовь полотно и рой яму...

– Без корабля – оно бы еще ничего... – испуганно бормотал старик. – А вот с кораблем...

Подросток тихонько завыл. Мысль о скорой смерти ужаснула мальчишку.

– Да заткните ему рот кто-нибудь, – сердито сказал хозяин и резко повернулся к Ар-Шарлахи. – Дед болтает, ты в Харве учился... Должен знать... В книгах-то что об этом сказано?

Ар-Шарлахи неопределенно повел плечом, украшенным тремя складками.

– Премудрый Гоен утверждает, что это царство мертвых. Потому так и называется – море... Попасть туда можно только после смерти. А живым оно является лишь в миражах – как напоминание.

– А другие? – жадно спросил хозяин. – Другие что едят?

– Ну... Андрба, например, возражает Гоену и говорит, что искупавшийся в морской воде станет бессмертным.

– Да? – с надеждой переспросил хозяин и тут же спохватился. – Постой-постой, а что толку купаться, если помер? Живым-то туда не попасть...

Ар-Шарлахи ослабил под повязкой.

– А вот об этом премудрый Андрба умалчивает...

Глава 2. СУДЬЯ СОБСТВЕННОЙ ТЕНИ

Полдень уже дохнул горячим ртом на маленький оазис, до сих пор по привычке именуемый тенью Ар-Мауры, а в глинобитном дворике с высокими стенами, выложенными голубыми с пунцовой прожилкой изразцами, было прохладно и сумрачно. Листва, провисающая подобно потолку, просевшему под собственной тяжестью, мерцала крупными каплями влаги. На плоских чистых камнях стояли прозрачные лужицы.

Добровольно в этот гулкий дворик старались не попадать. Это там, снаружи, на выжженных солнцем кривых улочках с их мягкой белой пылью и сухими арыками, ты мог куражиться, шуметь, строить из себя отчаянного. Здесь же, в остолбенелой тишине и прохладе, немедленно пробирал запоздалый озноб, а отчетливый внятный звук оборвавшейся капли заставлял вздрогнуть.

Сам досточтимый Ар-Маура, в прошлом владыка, а ныне судья собственной тени, огромный, грузный, восседал, как и подобает чиновнику государя, не на коврике, а на высоком резном стуле. Один глаз судьи был презрительно прищурен, другой раскрыт широко и беспощадно. Белоснежная повязка небрежно приспущена чуть ли не до кончика горбатого мясистого носа. И хотя смотрел досточтимый исключительно на обвиняемого, каждый из свидетелей несомненно успел уже десять раз раскаяться в том, что ввязался в эту историю.

Владелец кофейни (стражников кликнул именно он) судорожно сглотнул и поправил свою повязку, подтянув полотно до самых глаз. Опасливо покосился на дверь и тут же, спохватившись, снова уставился на судью.

По сторонам узкой входной двери, замерли два голорылых идола – стражники из предгорий. Лица – каменные. Металлические зеркала прямоугольных парадных щитов недвижны, словно не в руках их держат, а к стене прислонили. Бесстыжий все-таки в Харве народ... Весь срам наружу, как у женщин: рот, нос... Тьфу!..

Еще один голорылый идол возвышался у крохотного фонтанчика, тоже неподвижный, но по несколько иной причине. Государь единой Харвы непостижимый и бессмертный Улькар был изваян из мрамора в обычной своей позиции: гордо вздернутая и чуть отвернутая в сторону голова, в руках – пучок молний и свиток указов. И тоже весь срам наружу. Вот и поклоняйся такому...

А досточтимый Ар-Маура все смотрел и смотрел на обвиняемого. Не то безглаголю, не то с ненавистью. Наконец вздохнул и покосился на истца, с самым преданным видом подавшегося к судейскому креслу.

– Говори... – прозвучал равнодушный хрипловатый голос.

Истец зябко повел плечами и начал торопливо и сбивчиво:

– Досточтимому Ар-Мауре... да оценит государь его добродетели... известно... – Тут владелец кофейни кое-как совладал с собой и продолжал дрожащим от обиды голосом: – Заведение у меня, любой скажет, приличное... для достойных людей... Пришел – значит пей, в кости играй, беседуй... А чтобы песенки петь – это вон на улицу иди ступай... Домой вон иди и пой...

Тут судья как бы поменял глаза: широко раскрытое око презрительно прищурилось, а прищуренное – хищно раскрылось. Истца это поразило настолько, что он осекся на полуслове.

– Пел... песенки... – неспешно и хрипловато проговорил досточтимый Ар-Маура. Лицо его как-то странно передернулось под повязкой, и он снова вьелся яростным своим оком в обвиняемого. – И о чем же?

Вопрос застал владельца кофейни врасплох.

– Э-э... – Он беспомощно оглянулся на двух свидетелей и облизнул губы. – Ну... просто песенки... Так, чепуха какая-то... И нескладно даже...

Насторожившийся было судья расслабился, причем вид у него, следует заметить, стал несколько разочарованный.

– Дальше, – сердито буркнул он.

– Я подошел, говорю: иди вон, говорю, на улицу пой, а у меня заведение приличное... А он поймал муху...

Досточтимый Ар-Маура досадливо поморщился и чуть мотнул головой. Владелец кофейни запнулся.

– Дальше! – проскрежетал судья.

– П-поймал муху... и начал кричать, что у нее шесть лапок, а не четыре... что я нарочно развожу незаконных мух... А потом стал обрывать ей лишние лапки... И еще сказал, что я враг государю, потому что развел незаконных мух и...

Видимая часть лица досточтимого Ар-Мауры выказала крайнее раздражение, но в то же время и некоторую растерянность. Судья крикнул, оглянулся и щелкнул пальцами. Во дворик по оперенной лесенке торопливо сбежал молоденький тщедушный секретарь (тоже из голорылых) и замер в полупоклоне.

– Ну-ка, взгляни пойдя, – недовольно побряхтев, проговорил судья. – Буква «кор», раздел, по-моему, девятый... О летающих и пернатых.

– Что именно? – почтительно осведомился секретарь.

– Или, может, наизусть вспомнишь?.. Сколько там лапок должно быть у мухи?

Секретарь возвел глаза к обильно увлажненной листве. Крупная капля сорвалась и разбилась о его бледный высокий лоб. Далее бесстыдно оголенное лицо юноши озарилось радостью, и, прикрыв веки, он процитировал нараспев:

– Летящим же насекомым надлежит иметь два прозрачных крыла для полета и четыре лапки для хождения...

– Так... – несколько озадаченно сказал судья. – Ладно... Иди...

Довольный собой секретарь, не касаясь ажурных перилец, взлетел по лесенке на второй этаж, где у него хранились копии указов.

На минуту судья погрузился в тягостное раздумье. В тоскливом предчувствии истец и свидетели затаили дыхание. Обвиняемый вздохнул и переступил с ноги на ногу.

– Отрадно видеть, – неспешно заговорил наконец Ар-Маура, и голос его с каждым словом наливался желчью, – ту ревность, с которой подданные государя следят за точным исполнением его указов. Даже количество лапок у мухи не избегнет их острого взора. Будь вы четверо чуть поумнее, я бы заподозрил вас в издевательствах над законом. Однако, поскольку указа против глупости пока еще не издано, считайте, что вы легко отделались. Присуждаю: издержки разложить на истца и свидетелей, дабы впредь не беспокоили судью попусту. Что же касается тебя, красавец... – Ар-Маура развернулся всем своим грузным телом к обвиняемому. – Что-то слишком часто мы стали с тобой встречаться. Полторы луны назад тебя, помнится, уже приводили сюда за какие-то проказы. Поэтому сегодняшнюю ночь ты проведешь в яме, а завтра чтобы ноги твоей здесь не было! – Он помедлил, как бы сожалея о мягкости приговора, потом кивнул стражам. – Этих троих – к казначею, а этого умника запереть пока здесь, в доме. Я еще с ним сегодня побеседую...

Истец и свидетели облегченно вздохнули. Можно сказать, повезло... Что же касается обвиняемого, то он, кажется, так не считал. Вид у него, во всяком случае, был озадаченный и даже слегка обиженный.

Три остальных приговора тоже пришлось смягчить. Пусть думают, что грозный Ар-Маура просто пребывал сегодня в хорошем настроении. В конце концов, он тоже человек...

Присудив напоследок пойманному на краже бродяге всего-навсего толкнуть брус казенной каторги до Зибры и обратно, Ар-Маура тяжело поднялся с высокого резного стула и, прихрамывая, удалился в дом. Приятно удивил секретаря и слуг, отпустив их до вечера по своим делам. Усмехнувшись, подумал, что день этот войдет в легенду. День, когда Ар-Маура был добрым...

Оставшись на мужской половине один, судья собственноручно расстелил два коврика, бросил на пол подушки, поставил на серебряный поднос кувшин в мокрой фуфаечке и плоские чашки. Затем снял с пояса ключи и открыл узкую дверь в стене. Заключенный (он сидел в углу, подобрав под себя ноги) поднял голову и хмуро всмотрелся в огромную заслонившую проем фигуру.

– Ну? – укоризненно молвил досточтимый Ар-Маура. – И долго мне еще тебя выручать прикажешь?

Заключенный фыркнул.

– Ты называешь это – выручать? – сварливо спросил он. – Спасибо, выручил! Укатал в яму ни за что...

– Ничего, – проворчал Ар-Маура. – Переночуешь – впредь умнее будешь. Вставай, пошли. М-мухоборец...

Узник поднялся, оказавшись вдруг почти одного роста с огромным судьей. Наблюдай за ними кто-нибудь со стороны, он был бы поражен, насколько эти двое похожи друг на друга. Такое впечатление, что разница между ними заключалась лишь в возрасте, дородности и хромоте.

– Надеюсь, досточтимый Ар-Шарлахи не откажется разделить со мной скромную трапезу и неторопливую беседу? – довольно ядовито осведомился судья.

Узник во все глаза глядел на кувшин вина во влажной фуфаечке и на блюдо с фруктами.

– Знаешь... – сказал он, сглотнув. – Всю дорогу до твоей тени только об этом и мечтал...

– Ну, что ты пьяница, мне известно, – заметил судья, опускаясь на коврик справа и подкладывая подушки поудобнее. – Прошу. И если не возражаешь... – Он запустил руку под головную накидку и сбросил с лица повязку – жест, который ужаснул бы любого жителя Пальмовой дороги.

Ар-Шарлахи лишь усмехнулся и тоже обнажил лицо. Оба когда-то (правда, в разное время) учились в Харве, так что многие обычаи голорылых давно уже не казались им неприличными и ужасными. Кроме того, и Ар-Мауры, и Ар-Шарлахи происходили по прямой линии от погонщиков верблюда по имени Ганеб, а сородичам стесняться друг друга не пристало.

Собственной рукою судья разлил вино в чашки.

– Да веет твоя тень прохладой до скончания века, – вполне серьезно произнес Ар-Шарлахи ритуальное пожелание.

– Издеваешься? – ворчливо осведомился судья. – Моя тень вот уже два года как принадлежит государю.

– Тем не менее... – со вздохом заметил молодой собеседник. – Живешь – как жил. Можно сказать, правишь...

Согласно обычаю прикоснулся краем чашки ко лбу и лишь после этого отхлебнул.

– Да и вино у тебя – позавидуешь, – добавил он довольно-таки уныло.

– Позавидуют, – сквозь зубы ответил судья. – Рано или поздно – позавидуют. Сгонят с кресла – будем тогда вместе брус толкать...

И тоже коснулся чашкой лба.

Ар-Шарлахи тем временем (опять-таки следуя обычаю) очистил апельсин и, разломив, протянул одну из половинок судье.

– Значит, говоришь, всю дорогу мечтал о холодном вине? – задумчиво молвил Ар-Маура, принимая пол-апельсина. – Почему же не зашел? Гордый?

Ар-Шарлахи досадливо пожал плечом и не ответил.

– Ну да, понимаю... – Судья покивал. – Предпочел, чтобы тебя ко мне привели... Должен сказать, наделал ты мне сегодня испугу! Помнишь, когда о песенках речь зашла?.. Тут стража стоит, там секретарь, да еще и свидетели эти... Смотри, досточтимый, допоешься... Дошутишься!.. – Судья отхлебнул и пристально взглянул на собеседника поверх чашки. – Стишок о верноподданном водопаде, надо полагать, твое сочинение?

Тот слегка смутился.

– Первый раз слышу, – уклончиво пробормотал он. – Что за стишок?

– Ну как же! Стишок известный... О том, как река, услышав указ государя, что воде надлежит течь сверху вниз, а не иначе, рухнула с обрыва сразу на три сажени... А про кивающие молоты? Дескать, молоты кивали-кивали, а Улькар в ответ даже и не кивнул!.. Ох, досточтимый... – Судья покачал головой. – Слушай, а что, у мухи в самом деле шесть лапок?

– Вообще-то шесть, – сказал Ар-Шарлахи, смакуя вино по глоточку. – Но я подозреваю, что секретари государя вместо того, чтобы поймать муху и пересчитать ей конечности, опять доверились трудам премудрого Андрбы. Он, видишь ли, тоже был убежден, что лапок у мухи всего четыре... И что овес – это выродившаяся пшеница...

– Я смотрю, ты всерьез учился в Харве, – заметил судья. – Я вот там все больше дрался да пьянствовал... – Тяжелое лицо его глинистого цвета помрачнело, серебристая щетина на щеках залегла грузными кольчужными складками. – Да, времена... – глухо сказал он. – А знаешь... Я ведь учился вместе с Улькаром...

– С государем?! – Ар-Шарлахи был настолько поражен, что даже отставил чашку. – И... что? Он уже тогда?..

– Нет, – бросил судья, жестко усмехнувшись. – Тогда он был вполне нормален, если ты имеешь в виду именно это... Более скучного собеседника свет не видывал, да и способности у него были, помнится, самые средние...

Ар-Маура помолчал, нахмурился, задумчиво покачнул вино в своей чашке.

– До сих пор не могу понять... – признался он вдруг с горестным недоумением. – Как ему все это удалось? Ну ладно, отречение Орейи, мятеж в Харве... Но когда сказали, что во главе заговора стоит Улькар, знаешь, я удивился. Он ведь, между нами, и храбростью-то особой никогда не блистал... А чему ты улыбаешься?

– Так... – лукаво молвил Ар-Шарлахи, снова беря чашку. – Забавно... Узник и судья возлежат за вином и ведут крамольные беседы...

– Брось, – сказал Ар-Маура. – Подслушивать некому... Да и с кем мне еще об этом поговорить, сам подумай! Не с секретарем же... – Помолчал, вздохнул. – Мне иногда кажется, что в жизни своей я знал трех разных Улькаров...

– То есть?

Судья досадливо шевельнул сидящей бровью. Надо полагать, подобные мысли не давали ему покоя уже давно.

– Сам смотри... Первый – ничем не выдающийся отпрыск древнего рода. Великовозрастный оболтус, с которым я шатался по веселым кварталам... Второй – вождь заговорщиков, дерзкий до безумия, удачливый во всем... Ну вот как это он, например, умудрился выиграть битву при Заугаре? Убей – не пойму...

– Он впервые применил там вогнутые щиты, – напомнил Ар-Шарлахи. – У кимирцев их тогда еще не было...

– А откуда они вообще взялись? – перебил судья. – Он что, сам их придумал? Ты когда-нибудь в руках держал такой щит? Бросает солнечный свет в одну точку на двадцать-тридцать шагов! Кто их ему дал? Как такое вообще можно выковать?.. Нет, как хочешь, а без колдовства здесь не обошлось...

– Нганга ондонго, – меланхолически молвил Ар-Шарлахи, в свою очередь разливая вино в чашки.

– Что-что?

– Заклинание, – со вздохом пояснил тот. – А может, и ругательство. Я его услышал от Левве... Он ведь изучал, если помнишь, язык туземцев. За что и был затоптан сразу после воцарения... Однако, согласно указу государя, колдовства не существует. Странно, что я напоминаю об этом судье... Да! – Он оживился. – Вот я что еще слышал! Будто вогнутые щиты скованы для Улькара кивающими молотами...

Судья недоуменно сдвинул брови.

– Ты что-нибудь о них знаешь?

– О кивающих молотах? Да нет, ничего... Знаю только, что все их боятся, но никто не видел... Премудрый Гоен считал их просто суеверием... Но мы, по моему, отвлеклись... Так что там третий Улькар?

– Третий... – Тяжелое лицо досточтимого Ар-Мауры дрогнуло и застыло в скорбной гримасе. – А третий – безумец, которому ударила в голову власть. Знаешь, когда он разрушил храм Четырех Верблюдов и объявил себя богом, мне стало страшно... Боги не прощают тех, кто помнит их еще людьми... Потом этот указ о собственном бессмертии... А уж когда он начал издавать законы природы...

– Нет, почему же, – деликатно возразил Ар-Шарлахи, а в глазах у самого тушканчики плясали. – Законы природы – это мудро. Воде надлежит течь сверху вниз. Стало быть, учись у воды, как надо исполнять законы...

Судья не слушал. Лицо его было по-прежнему угрюмо.

– Я давно уже перестал понимать, что происходит, – устало пожаловался он. – Разворачиваешь свиток с новым указом – и заранее ждешь бунта. А бунта все нет и нет...

Ар-Шарлахи с любопытством взглянул на судью.

– Зачем же бунтовать? – сказал он. – Можно просто не исполнять. Или исполнять, но наполовину... Как, собственно, и делается.

– Да? Ты так полагаешь? А вот представь: придет завтра указ, что всем подданным надлежит ходить с открытыми лицами... И что тогда?

– Н-ну... тогда, конечно, бунт, – признал Ар-Шарлахи. – А кстати, чем ты хуже Улькара? Стань во главе. Тот отделил Харву от Кимира, а ты отделишь Пальмовую дорогу от Харвы.

Досточтимый Ар-Маура смотрел на шутника с улыбкой сожаления.

– Безнадежно... – сказал он наконец и залпом осушил чашку. – Ни ты, ни я на это не способны. Я слишком стар, а ты... – Тут судья вскинул глаза и взглянул на собеседника в упор. – Ты даже сам не знаешь, как ты меня разочаровал. Когда в пустыне объявился Шарлах, я поначалу подумал: да уж не ты ли это? Тем более, на тебя был донос... Смешно, конечно, об этом говорить, но я обрадовался... Обрадовался, что хоть кто-то из нас, бывших владык, покажет этим голорылым пеший путь к морю... Жаль, что это был не ты.

– А вдруг? – возразил слегка уже захмелевший Ар-Шарлахи. – Разбойник, он ведь, знаешь, только при луне разбойник. А днем он может на базаре финиками торговать...

Досточтимый Ар-Маура выслушал все это без тени улыбки, с самым печальным видом.

– Да нет, – ответил он, вздохнув. – Никакого «вдруг» здесь быть не может. Вчера ночью шайка Шарлаха была уничтожена, а сам он захвачен. Странно... Государь отрядил на это целый караван, причем потребовал, чтобы главаря взяли живым. Возможно, к вечеру его доставят сюда...

Глава 3. ЛУНА И ЯМА

Ар-Шарлахи лежал лицом вверх и смотрел на вырезанный в камне круг ночного, чуть тронутого серебристой пылью неба. Где-то совсем рядом сияла за кромкой разбойничья злая луна или, как было принято говорить в Харве, – полная. Мерцало, растворяясь в лунной дымке, алмазное копыто голенастого созвездия

Ганеб. Верблюд, на котором предки Ар-Шарлахи прибыли в этот мир, шествовал теперь по ночному небу над Пальмовой дорогой.

Большая честь – потомка владыки поместили в одну из главных ям, каменный колодец, сооруженный разбойничками прадедами для особо знатных пленников. Кверху колодец слегка сужался, так что вылезти без посторонней помощи из него было невозможно. Злая луна вынула из мрака широкий смеющийся оскал старой каменной кладки, и зубов в этом оскале по мере восхождения светила как бы прибавлялось и прибавлялось.

Шакал ты, досточтимый Ар-Маура! Хотя... Тебя тоже можно понять. Отпусти ты Ар-Шарлахи без наказания, поползли бы шепотки, что судья покрывает бывших владык Пальмовой дороги, а там, глядишь, юный голорылый секретарь, преодолев трепетное уважение к досточтимому, догадался бы отправить донос в предгорья...

Так значит Ар-Маура учился вместе с Улькаром?... Непостижимым и бессмертным, повелевающим громами... Ну тогда становится ясно, как это он ухитрился получить место судьи в своей собственной тени... Зато ему есть теперь что терять. Не то что Ар-Шарлахи!..

Узник хотел было усмехнуться бесшабашно, но вместо этого вдруг затосковал: стало жалко себя, заняло легонько под ложечкой. Завтра прикажут в течение дня покинуть тень Ар-Мауры. Это опять наниматься на торговую каторгу – и в пустыню... Ненавижу пустыню, бессильно подумал Ар-Шарлахи. Любую. Песчаную, каменную, усыпанную красным щебнем. Любую... Поселиться бы в Харве... Хотя кто тебя в Харву пустит? И даже если пустят... Предгорья нынче уже не те. Веселые кварталы разогнали... В Зибре говорил с голорылым, так они нам, оказывается, еще и завидуют. Воля у вас, говорят, на Пальмовой дороге... А в предгорьях строго. Ох, строго!..

Впору и впрямь в разбойнички податься... Нелепая эта мысль пришла внезапно и слегка позабавила. Нет, в самом деле! Согласно последнему указу, никаких разбойников в природе не существует. Грабь на здоровье!.. Только ведь не годишься ты, братец, в разбойники. При твоей-то любви к пустыням!..

Ар-Шарлахи сел и со вздохом поправил сбившийся коврик. Любезен все-таки досточтимый Ар-Маура. И какая отчаянная храбрость! Ковриком снабдил, вы

подумайте!..

Ар-Шарлахи уже задремывал, мысли путались. Ну ладно, указ... Разбоя нет... Разбойников тоже... А как же тогда облава на тезку Шарлаха?.. Почти тезку... За что ловить-то, если не разбойник?..

Разбудивший его шум, смолк мгновенно, во всяком случае, открыв глаза, Ар-Шарлахи так и не понял, что это было. Язык лунного света, пока он спал, спустился по грубой старинной кладке и теперь готов был лизнуть песчаное дно колодца. Голенастое созвездие Ганеб сместилось, ушло за каменную кромку. Вот-вот покажется краешек холодного яркого диска.

Где-то наверху неспешно поскрипывал песок под башмаками удаляющихся стражников, кто-то лениво и негромко выругался, помянув разбойничью злую луну, четырех верблюдов и кивающие молоты впридачу.

Вскоре стало совсем тихо. Потом совершенно неожиданно рядом послышался шорох и сдавленный вздох. Вот оно что! Оказывается, в яму спустили на веревке еще одного узника... Обычное развлечение стражников: отдают канат не до конца, и приходится прыгивать чуть ли не с высоты человеческого роста. Этот-то шум падения, надо полагать, и разбудил Ар-Шарлахи.

– Значит, еще судить будут... – безнадежно произнес надломленный с хрипотцой мальчишеский голос.

Ар-Шарлахи решил было, что юный узник разговаривает сам с собою, но тут в темноте снова зашуршало, и другой голос, низкий и властный, буркнул:

– Молчи...

Ах, вот даже как? Ну, спасибо тебе, досточтимый! Если так и дальше дело пойдет, то к утру в этой яме станет тесновато... Надо же, сразу двоих подсадил! Для более крепкого сна, не иначе...

Ар-Шарлахи тихонько фыркнул – и колодец тут же словно опустел. Оба новых узника замерли. Наконец обладатель низкого грубого голоса приказал ворчливо:

– Пойди узнай, кто такой...

Снова шорох балахона, и подросток, пригнувшись, подобрался к Ар-Шарлахи. Такое впечатление, что мальчишка опасался выпрямиться, дабы не попасть в косой поток лунного света.

– Ты кто?

– Ар-Шарлахи.

В колодце опять стало гулко. Похоже, ответ поразил обоих вновь прибывших. Прошло несколько секунд, прежде чем старший узник издал некое задумчивое рычание.

– Какой Ар-Шарлахи? Сирота? Тот самый, которого в Харву спровадили?..

– Да, – довольно резко бросил Ар-Шарлахи. Собеседник его явно не отличался вежливостью. Если он будет продолжать в том же духе... Однако нового вопроса не последовало. Надо полагать, обладатель грубого властного голоса полностью удовлетворил свое любопытство.

Что же до подростка, то он как-то неуверенно пошевелился, оглянувшись, видно, на старшего, и вновь занялся Ар-Шарлахи.

– А сюда за что?

– Мухам лишние лапки обрывал.

– Ты отвечай, когда спрашивают! – Хрипловатый мальчишеский голос внезапно стал злым, опасным.

Опершись на локоть, Ар-Шарлахи приподнялся на коврике, всмотрелся. Выбеленная луною часть вогнутой стены бросала слабый отсвет на его юного собеседника. Среднего роста мальчуган, лет семнадцать, наверное. Вроде

склонен слегка к полноте, как горожанин... А вот одет по-кочевому: балахон, головная накидка, лицо прикрыто повязкой...

– А кто ты такой, чтобы спрашивать? Судья?

Подросток чуть отпрянул – и такое впечатление, что задохнулся от бешенства. Странно... Отчаянным, что ли хочет, прослыть? Это в яме-то!.. Тут ведь чуть что – сразу стражники прибегут, и товарищ твой низкоголосый тебе не поможет... Да потом еще судье доложат...

Подросток тем временем опомнился, сделал глубокий вдох, кажется, даже сосчитал до пяти. Потом снова подался к Ар-Шарлахи.

– Да ладно, чего ты!.. – доверительно зашептал он. – Ну, прости, сгоряча сорвалось... В одной ведь яме сидим, а ты все владыку из себя строишь!.. На сколько тебя укатали-то?

– Вот ночь отсижу, – со вздохом ответил Ар-Шарлахи, – а завтра после заката солнца ноги моей здесь быть не должно...

– А-а... – понимающе протянул подросток. – Тоже, значит, по мелочи... Как и мы...

Откуда-то из темноты презрительно хмыкнул старший узник. Что он хотел этим сказать – неясно...

– Значит, просто отпустят – и все? – допытывался подросток.

– Да вроде так...

Подросток помолчал и вдруг, ни слова не прибавив, канул во тьму. Передвигался он по-прежнему пригнувшись. Два голоса забубнили, зашептались неразборчиво. Ар-Шарлахи удалось различить лишь отдельные слова:

– ...ну не нарочно же... в одну яму...

– ...подсадили...

– ...спросонья... запросто могли...

– ...переменить судьбу?..

Услышав про судьбу, Ар-Шарлахи удивился. В беседе двух бродяг, посаженных до рассвета в каменный колодец, такие слова звучали несколько неуместно. Впрочем, глаза у него уже снова слипались, так что к бормотанию их он особо и не прислушивался...

– Справедливо приговоренный Ар-Шарлахи!

Ар-Шарлахи рывком сел на коврике. Было еще темно. Рассвет только подкрадывался к маленькому оазису. Луна, успевшая перекатиться на другую половину неба, вымывала из мрака фигуры трех стражей на краю колодца, налитого теперь чернотой почти доверху.

– Именем государя судья освобождает тебя из ямы и дает тебе время от восхода до заката солнца, чтобы ты, справедливо приговоренный Ар-Шарлахи, покинул пределы этой тени. Если же ты, случайно или умышленно, удержишься в пределах тени после заката, знай, что судья именем государя приговорит тебя к казенной каторге до Зибры и обратно. – Глашатай сделал положенную паузу и приказал негромко: – Веревку!

Упала белая гладкая (хоть бы один узел навязали, вараны!) веревка. Поднявшийся на ноги Ар-Шарлахи наклонился, чтобы скатать коврик, но тут его жестко взяли с двух сторон за локти и ткнули лицом в песок, едва не сломав шею. К счастью, глаза он успел зажмурить, а ноздри спасла повязка. Мощная мужская рука влезла под головную накидку, рванула за волосы, и Ар-Шарлахи почувствовал, как на горле его захлестнулась удавка. Рванул, но был прижат к песку, потом навалившаяся тяжесть ослабла, зато петля стянулась рывком.

– Ар-Шарлахи!.. – уже раздраженно повторил глашатай.

– Здесь!.. – отозвался хриплый голос, и Ар-Шарлахи увидел, как зашевелился, уходя вверх, смутный белый балахон – самозванец лез по веревке. Рванул еще

раз, но удавка перекрыла ток крови, в ушах зазвенело, сплелись и расплелись перед глазами черно-багровые кольца, а дальше сознание покинуло Ар-Шарлахи.

...В себя он пришел довольно быстро. Горло – пережато, над ухом – злобное быстрое дыхание. Память не утратила ни момента из того, что произошло. Бродяга с грубым властным голосом воспользовался его именем и был отпущен на свободу. Да что же это они, одного узника от другого отличить не могут?.. Ах да, стражники же сплошь голорылые, мы для них все на одно лицо... Тем более ночью... Ар-Шарлахи дернулся, и затяжка на горле стала жестче. Закричать? Бесполезно... Раскормленный, как горожанин, подросток был, конечно же, слабее, но позиция его была куда более выгодной.

«Идиоты!.. – в отчаянии подумал Ар-Шарлахи. – Идиоты!.. Все равно ведь все выплывет наружу... Ар-Маура знает меня в лицо...»

Подросток, лежащий у него на спине, судорожно заерзал, занимая положение посподручнее, и что-то в движении этом поразило Ар-Шарлахи... Да ослепи тебя злая луна! Какой подросток? Какой, занеси тебя самум, подросток? Как можно было этот слегка охрипший высокий голос принять за ломающийся мальчишеский?.. На спине Ар-Шарлахи лежала женщина, одетая по-мужски! Лежала – и то ослабляла, то затягивала удавку...

Ну уж этого он никак стерпеть не мог! Испустил короткий стон и обмяк, как бы снова лишившись чувств. Удавка мигом ослабла, и Ар-Шарлахи тут же вскинул руки к горлу, успев запустить пальцы под тонкую жесткую веревку. Уперся лбом в песок, стал на колени, качнулся обманно влево, а потом резко повалился на правый бок, придавив плечом руку душительницы. Последовал приглушенный кошачий взвизг, а затем удар растопыренными пальцами в прикрытую повязкой щеку. Должно быть, метила в глаза, но в темноте промахнулась... Ар-Шарлахи схватил гадину за плечи и вмял спиной в песок. «Придушу!» – задыхаясь, подумал он, но тут маленькие сильные руки сорвали с него повязку, а в следующий миг Ар-Шарлахи был атакован самым неожиданным образом. Смутное пятно лица метнулось навстречу, и рот узника внезапно ожгло жадным поцелуем.

– Хочу!.. Хочу!.. – застонала она. – Какой ты... сильный!..

Яростным движением он сбросил с шеи удавку, но вот оторвать от себя незнакомку оказалось куда труднее.

– Пусть!.. – стонала она. – Пусть... уходит... Пусть!..

Да будет тому свидетелем разбойничья злая луна, но Ар-Шарлахи так и не понял, каким образом могло случиться, что их смертельная схватка перешла в схватку любовную. Он был настолько ошарашен этой внезапной сменой тактики, что вскоре ничего уже не соображал... Причем стоило опомниться хотя бы на миг, как страсть незнакомки вскипала с удвоенной силой, и Ар-Шарлахи вновь терял голову. Чувство времени он при этом, естественно, утратил. Когда же они наконец, тяжело дыша, поднялись с измятого песка и, отступив на шаг, уставились друг на друга, – в каменный колодец уже лился серенький предутренний свет.

Дурной сон. Просто дурной сон, не иначе... Незнакомка, не спуская с Ар-Шарлахи темных, пристально прищуренных глаз, неспешно одернула балахон и вновь закрыла лицо повязкой.

Впрочем Ар-Шарлахи успел рассмотреть, что у любовницы его и душительницы широкие скулы, прямой короткий нос и упрямый подбородок. Такие решительные, с излишней рельефностью вылепленные женские лица, честно говоря, никогда ему не нравились. Вдобавок в предрассветных сумерках показалось, что незнакомка смотрит на него насмешливо, чуть ли не презрительно.

И Ар-Шарлахи, ужаснувшись, осознал наконец, что произошло. Пока он тут кувыркался с этой подлой девкой, искусно изображавшей внезапный прилив страсти, ее сообщник успел скрыться, да еще и воспользовавшись его именем.

– Ах ты тварь!.. – изумленно выдохнул он.

Ничуть не испугавшись, она подалась навстречу.

– Кликнешь стражников – убью, – тихо и очень серьезно предупредила она.

Вполне возможно, что далее схватка должна была повториться, причем отнюдь не любовная, но тут в вышине снова раздался надменный голос глашатая:

– Ожидающая справедливого приговора Алият!

Оба вскинули головы. На краю колодца маячили три фигуры. Холодно мерцали прямоугольные парадные щиты.

– Именем государя тебе надлежит явиться к судье, дабы выслушать часть справедливого приговора.

Развернувшись, упала веревка. «Алият... – мелькнуло у Ар-Шарлахи. – Где-то ведь я уже слышал это имя... Алият...»

Душительница же тем временем не мешкая ухватилась за сброшенную веревку, потом вдруг обернулась к нему, и в темных глазах ее Ар-Шарлахи вновь увидел насмешку и торжество.

– Дурак... – произнесла она чуть ли не с нежностью. Взялась за канат покрепче и довольно ловко полезла к серому рассветному небу. Ар-Шарлахи ошалело смотрел, как она, достигнув каменной кромки, выбралась наверх, где тут же оказалась в крепких руках стражников.

– Эй! – наконец-то опомнившись, закричал он. – Послушайте! Меня должны были...

– Молчать! – яростно грянуло сверху. – Молчать и внимать глашатаю!

Ар-Шарлахи содрогнулся и умолк. Со стражниками шутки плохи. Глашатай выдержал паузу и возгласил торжественней, чем когда бы то ни было:

– Ожидающий справедливого приговора Шарлах! Именем государя тебе надлежит явиться к судье, дабы выслушать часть справедливого приговора.

Глава 4. ПОБЕГ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Алият... Ну конечно! Конечно же, слышал!.. «Шарлаха на тебя нет с Алият...» Кто это сказал? Кажется, кто-то из каторжан с левого борта... Точно, точно... А хозяин каторги сделал вид, что не понял... Так это, значит, и есть Алият?..

Им связали запястья одной веревкой и накинули каждому на шею по петле. Сопровождаемые отрядом из восьми стражников, узники шли по кривым стиснутым глинобитными стенами улочкам. За решетчатыми наверху многочисленных узких дверей белели повязки, мелькали открытые смуглые лица детей и женщин. Неясно, каким образом жители маленького оазиса узнали, что разбойников поведут к судье именно утром, но взглянуть на страшного Шарлаха хотелось всем.

В пересохших за ночь арыках шипела съедаемая пылью вода. Заслонки были открыты скупой; дождей в этом году, можно сказать, не выпало вовсе, и кочующее озеро Хаилве, питавшее весь оазис, пересыхало на глазах.

– Ну и чего ты этим добилась? – еле слышно цедил Ар-Шарлахи, шагая по нежной желтоватой пыли. – Все равно ведь поймают...

Алият презрительно скосила на него темный глаз над белой повязкой.

– Кого? – шепнула она. – Разве кто-нибудь бежал?

– У, дура!.. – проскрежетал тихонько Ар-Шарлахи. – Ты что же, всерьез полагаешь, что меня примут за твоего разбойника?

– Уже приняли...

Со стороны процессия, наверное, выглядела весьма забавно. Вербка, связывающая пленников друг с другом, была очень короткой, а если учесть, что Ар-Шарлахи все время норовил ускорить шаг, тогда как Алият умышленно его замедляла, то спотыкались оба постоянно.

– Ну я тебе это еще припомню, ящерица! – Ар-Шарлахи задыхался от злобы. – Дай только до судьи добраться...

Судя по движению повязки, Алият вздернула верхнюю губу и оскалилась по-звериному.

– Скажешь судье хоть слово – загрызу! – прошелестела она. – Ты – это он, запомнил? Голорылые нас только по росту и различают...

Ар-Шарлахи невольно повысил голос:

– Это тень Ар-Мауры! И судья здесь не голорылый. Кроме того, мы с ним знакомы!..

Алият запнулась и бросила на него взгляд, исполненный ненависти, недоверия и страха.

– Врешь!..

– А ну-ка тихо! – прикрикнул глава стражников. – Молча идти!

И они пошли молча. Пересекли небольшую рыночную площадь, можно сказать, пустую, где на месте сломанного храма горделиво задира подбородок еще один каменный голорылый идол в полтора человеческих роста. Краем глаза Ар-Шарлахи заметил хозяина каторги, с которой прибыл в тень Ар-Мауры. Судя по всему, торговля шелками, завезенными из Харвы, шла из рук вон плохо. Да и как могло быть иначе! Пальмовая дорога обнищала, а в Кимир шелка не повезешь – остановят на границе и заберут товар в казну...

Завидев процессию, торговцы зашевелились, привставая, по рядам прошелестело имя Шарлаха, и хозяин каторги обмер, узнав в связанном разбойнике своего скарабея. Что он при этом подумал, сказать трудно. Должно быть, только и смог, что, запинаясь, возблагодарить Улькара (а может, и четырех верблюдов, кто знает!) за поистине чудесное избавление от едва не приключившейся беды. Шутка ли – провести два дня с самим Шарлахом, прикинувшимся простым каторжанином!..

– Ты?! – не веря, выдохнул досточтимый Ар-Маура, и глаза его начали выкатываться. Казалось, еще немного – и досточтимого хватит удар. – А... а где же?..

Нечеловеческим усилием воли судья все же совладал с собой и с оглядкой осел на высокий резной стул. Помолчал, со страхом глядя на узника.

– Начальника первой стражи, – приказал он наконец перехваченным горлом.

– Он сейчас... э-э... – начал было секретарь.

– Знаю. Поднять и привести.

Во дворике возникла легкая суматоха. Слабым мановением руки досточтимый Ар-Маура повелел пленнику приблизиться. Ар-Шарлахи двинулся к судье, и веревка натянулась.

– Убью, – тихонько предостерегла Алият.

Не обращая на нее внимания, Ар-Шарлахи сделал еще один шаг, увлекая женщину за собой.

– Понимаешь, ночью ко мне подсадили двоих, – торопливо начал он. – Вот ее и...

В этот миг Алият мотнула головой, сбрасывая повязку, и кинулась на Ар-Шарлахи, явно норовя впиться ему зубами в горло. Однако стражники свое дело знали. Вереvoчные петли рванули узников в разные стороны, едва не придушив обоих.

Досточтимый Ар-Маура сидел неподвижно. Сбивчивые невнятные слова Ар-Шарлахи поразили судью настолько, что он, казалось, даже и не заметил короткой схватки, разыгравшейся у его ног. Наконец медленно повернулся к испуганно моргающему секретарю.

– Закрывать порт! – рявкнул судья так страшно, что юноша отшатнулся. – Обыскать все каторги и парусники! Нанявшихся сегодняшним утром – привести сюда!.. – Досточтимый замолчал и с отвращением взглянул на корчащуюся у ног

полузадушенную Алият. – Кобру эту – отвязать и запереть!

И сразу кругом забежали, засуетились, забренчали оружием. Кашляя и держась за горло, Ар-Шарлахи поднялся с плоских влажных камней, которыми был вымощен судейский дворик. Алият увели в дом.

– Говори, – глухо приказал судья.

Кое-как, ощупывая без малого не раздавленную гортань, Ар-Шарлахи сипло поведал судье горестную свою историю. Некоторые подробности интимного характера он, правда, счел возможным опустить, ограничившись утверждением, что злобная разбойница Алият держала его на удавке до самого рассвета.

Густые с проседью брови судьи зашевелились угрожающе.

– Сын владыки! – прохрипел он, стискивая огромные кулаки. – Потомок разбойников! И не сладил с женщиной?..

– Ты видел, что это за женщина? – беспомощно возразил Ар-Шарлахи. – Сам же говоришь: кобра!..

Узкая дверь открылась, и в судейский дворик нетвердо ступил не на шутку встревоженный начальник первой стражи. Будучи не на службе, он был, согласно меткому определению секретаря, именно «э-э...», но, правда, трезвел на глазах.

– Каким образом могло так случиться, что ждущий приговора Шарлах и приговоренный Ар-Шарлахи оказались в одной яме? – скрипуче осведомился судья.

– Как в одной? – растерялся голорылый. – Почему в одной?..

Не получив ответа, он оглянулся по сторонам. Взгляд его упал на Ар-Шарлахи.

– Так это же... – Стражник осекся, моргнул и вдруг резко повернулся к судье. – А... тот? Другой!

– Выпущен из ямы перед рассветом, – сухо сообщил досточтимый Ар-Маура.

Начальник первой стражи побледнел. Вот теперь он был трезв, как горный родник.

– З-закреть порт!.. – заикаясь, выговорил он.

– Уже закрыт, – сказал судья.

Голорылый обмяк. Ар-Шарлахи покосился на юного секретаря и увидел, что и тот близок к обмороку. Румянец сбежал с его нежных щек, и теперь юноша стоял, вцепившись в ажурные перила лесенки, с ужасом глядя на судью.

Ах да, вспомнил Ар-Шарлахи, это ведь именно он насчет меня распорядился... Точно, точно... Ар-Маура еще сказал ему: «Присмотри, чтобы не в общую яму и чтобы коврик бросили...» Да-а... Стало быть, влип мальчуган... Да что говорить! Все влипли...

– Что же делать? – беспомощно проговорил начальник первой стражи.

– Меньше увлекаться пальмовым вином, – процедил судья и кивнул стражникам на Ар-Шарлахи. – Этого можно развязать.

Те сноровисто освободили узника от веревок и вновь отступили на шаг.

– Ну и как же я теперь покину тень до заката? – сердито спросил Ар-Шарлахи, разминая запястья. – Порт-то закрыт...

– А ты ее и не покинешь, – мрачно промолвил досточтимый Ар-Маура. – Посидишь пока взаперти, а там видно будет...

Узкая дверь с решетчатым навершием закрылась, щелкнул хитрый стальной замок. Алият, сжавшись в комочек, сидела в углу и только посверкивала сердито глазами из щели меж белых складок плаща и накидки.

– Ты! Кобра! – с угрозой сказал Ар-Шарлахи. – Еще раз на меня кинешься – придушу! Запомнила?

Ответом было презрительное молчание.

– Главное, было бы из-за чего кидаться! – недовольно прибавил он. – Мы с судьей сто лет знакомы. И секретарь меня узнал, и начальник стражи... Так что, считай, поймут скоро твоего Шарлаха. Порт уже закрыли...

Из угла послышался злобный смешок. Ар-Шарлахи опустился на прохладный плиточный пол и подобрал под себя ноги. Теперь их с Алият разделяло ровно три шага. Расстояние вполне безопасное.

Да, история... Стоило устраивать на Шарлаха целую облаву и посылать за ним караван, чтобы потом так по-глупому его упустить! Судье сейчас не позавидуешь. Да и начальнику стражи – тоже, не говоря уже о секретаре... Хотя... Тебе-то до них какое дело, досточтимый Ар-Шарлахи? Скажи спасибо, что сам выкрутился!..

– Кто, ты выкрутился? – ядовито переспросила Алият, и Ар-Шарлахи вздрогнул. Оказывается, последнюю фразу он произнес вслух. Плохо дело... Так, глядишь, скоро бормотать начнешь без умолку вроде того старикана с торговой каторги...

– Выкрутился он! – злорадно продолжала Алият. – Нет уж! Вместе бежать помогали – вместе и отвечать будем!..

– Что?! – страшным шепотом переспросил Ар-Шарлахи и медленно поднялся на ноги. Алият вскочила, вжалась спиной в угол. Глаза ее, однако, по-прежнему были бесстрашны.

Несколько секунд прошло в напряженном молчании.

– Дура! – буркнул наконец Ар-Шарлахи и снова сел. – Кто тебе поверит?

Подумал и добавил в отместку:

– И вообще... Вот узнает Шарлах, что ты в яме под меня легла...

– А я ему не скажу, – успокоила Алият, тоже опускаясь на пол.

Ар-Шарлахи заморгал.

– Ого! – проговорил он чуть ли не с уважением. – Так ты с ним еще надеешься встретиться?

– Шарлах своих не бросает, – надменно изронила она. – Не то что вы, слизняки...

Оба успели проголодаться к тому времени, когда за дверью снова зазвучали тяжелые шаги стражников. Звонко щелкнул иноземной работы замок, скрипнули петли, упало узкое полотно света.

– Выходи по одному!

Первым, на правах мужчины, вышел Ар-Шарлахи и, к своему удивлению, опять был связан. Накрест захлестнув запястья, стражник затянул узел потуже и повернулся к переступающей порожек Алият. Еще один ловкий захлест другого конца все той же веревки, и пленники оказались в прежнем положении.

– Да погодите... Я же... – начал было Ар-Шарлахи, но ему приказали замолчать и накинули на шею уже знакомую петлю.

Затем без особых церемоний связанных вытолкнули в судейский дворик и поставили перед досточтимым Ар-Маурой. Судья собственной тени был мрачен как никогда. Вдоль глинобитных стен, выложенных голубыми с пунцовой прожилкой изразцами, выстроились голорылые стражники. Зеркальные щиты казались окнами, каждое из которых было прорезано в точно такой же дворик, где точно так же восседал на высоком резном стуле грузный судья и стояли у него за плечом начальник первой стражи и секретарь – оба очень бледные, с поджатыми решительно губами. Точь-в-точь мраморное изваяние Улькара, что возле фонтанчика.

Судья поднялся и выпрямился во весь свой внушительный рост. Такое случилось не часто – разве что при оглашении очередного указа государя. Непостижимого и бессмертного.

– Ожидающая справедливого приговора Алият!

Ар-Шарлахи почувствовал, как напряглось в ожидании тело стоящей рядом с ним женщины. Не будь он столь озабочен собственной судьбой, сердце его, наверное, стиснулось бы от жалости к этой кобре. Несмотря ни на что.

– Передаем тебя в руки государя.

Ар-Шарлахи содрогнулся. Такой формулировки ему еще слышать не доводилось. Это могло означать что угодно, вплоть до смертного приговора.

Однако следующие слова судьи поразили его еще больше.

– Ожидающий справедливого приговора Шарлах!

Сначала он подумал, что ослышался. Или что судья нечетко произнес его имя. Однако в следующий миг глаза их встретились, и Ар-Шарлахи понял, холодея, что никакой ошибки не было...

– Передаем тебя в руки государя...

Он разомкнул внезапно пересохшие губы, но из перехваченного горла выдавился лишь жалкий, недостойный мужчины писк. Судья внезапно шагнул к Ар-Шарлахи и, явно нарушая церемониал, дрогнувшей рукой пожал связанные запястья. Так и не подняв глаз, прогудел расстроено:

– Прости... Так уж вышло...

Глава 5. НЕПОСТИЖИМЫЙ И БЕССМЕРТНЫЙ

Одолевая встречный ветер, легкая почтовая каторга шла на мускульной тяге по огромным такырам Талланы, держа курс на Харву. Внизу, во тьме, духоте и вони, подогреваемые крепким вином каторжане, лежа в промокших от пота люльках, из последних сил толкали ногами перекладины ведущих барабанов. Смену приходилось делать каждые полчаса, и все же люди были измотаны до крайности. Потом, к полудню, ветер сменился, на обеих мачтах взвились косые паруса, и каторжанам наконец дали отдых.

Крохотный полутемный отсек с узким зарешеченным окошком на потолке потряхивало и накреняло. Скрипели переборки. Стиснув зубы, Ар-Шарлахи лежал лицом к стене и в который раз с ужасом осмысливал случившееся.

Его просто принесли в жертву. Судья, секретарь, начальник первой стражи – все трое с откровенной и бесстыдной прямоотой спасали свои шкуры. А разбойник, конечно, ушел... Во всяком случае, на след его они так и не напали... Вполне возможно, что Шарлах даже и не покидал тени Ар-Мауры, затаился в доме у какого-нибудь своего пособника и теперь ждет, когда кончится суматоха... Да она, собственно, уже и кончилась. Какой смысл ловить разбойника, если он пойман еще позавчера, а сегодня утром отправлен с почтовой каторгой в Харву?..

А в Харве, конечно, Шарлаха в лицо никто не знает... Да и откуда? Разбойничал он вдоль Пальмовой дороги, к предгорьям не приближался... Зато должны знать в лицо самого Ар-Шарлахи! У него, если на то пошло, пол-Харвы знакомых, любой подтвердит, что он – это он, а никакой не Шарлах... Нет-нет, все, оказывается, не так уж и плохо...

Ар-Шарлахи приподнялся, насколько позволяла короткая стальная цепь, и стукнул кулаком в переборку. Он колотил в нее до тех пор, пока не открылась низкая дверца.

– Чего шумишь?

– Послушайте! Произошла ошибка... Я не Шарлах! Я – Ар-Шарлахи!

Голорылый недоуменно нахмурился.

– Какая разница?

– То есть как?.. – голос Ар-Шарлахи упал до шепота. – Меня зовут Ар-Шарлахи...

– Ну, правильно, – недовольно сказал голорылый. – В сопроводительных свитках так и написано, что это одно и то же лицо... А будешь шуметь – еще и за ногу прикуем.

Дверца закрылась, и Ар-Шарлахи, замычав, повалился на дощатый пол. Убили... «Одно и то же лицо...» Шакалы!.. Додуматься до такого мог только досточтимый Ар-Маура, больше некому! Он ведь знал о том дурацком давнем доносе... Ну, судья! Ну, судья!.. «Прости... Так уж вышло...» Не-ет, досточтимый, такого никому не прощают...

А что если... Взять и самому донести в Харве на Ар-Мауру? Так, мол, и так, вел крамольные беседы с узником, дурно отзывался о государе, подбивал взбунтовать Пальмовую дорогу... Нарочно отпустил настоящего Шарлаха, а взамен подсунул ни в чем неповинного Ар-Шарлахи, боясь, что тот донесет... Хм, а ведь довольно складно все выходит...

Да нет. Складно-то – складно, а кто подтвердит? Сам судья? Секретарь? Или, может быть, начальник первой стражи?.. Ну, этих троих, положим, можно обвинить в сговоре, тем более что так оно и было... Но есть ведь еще и Алият! Уж эта-то, будьте уверены, не моргнув глазом поклянется, что прибывший с ней на почтовой каторге – именно Шарлах, и никто иной...

В полном отчаянии он скрипнул зубами и ударился лбом об пол. Потом, не в силах больше сдерживаться, застонал, как от боли. У противоположной стенки взметнулась и села Алият. Сверкнула темными злыми глазами.

– Если не перестанешь скулить, ночью подкрадусь и горло цепью перепилю!

Смысла угроза не имела – стальные тонкие цепи, с помощью которых узники были прикованы к противоположным стенам тесного отсека, не достигали в длину и локтя. Тем не менее Ар-Шарлахи рванулся с яростным воплем, пытаясь дотянуться свободной рукой до горла обидчицы, но, естественно, желаемого не достиг. Алият поступила умнее: она уперлась ладонями в пол и нанесла удар ногой. Ар-Шарлахи бросило на переборку.

– Кобра!.. – прохрипел он, с ненавистью возвращая удар, ушедший, впрочем в пустоту, поскольку Алият была к нему готова.

Далее в отсек ворвались стражники и, растянув каждого вдоль своей переборки, приковали еще и за ногу.

На второй день в желтоватом мареве проступили прямо по курсу голубоватые и плоские, словно вырезанные из прозрачной бумаги очертания горных отрогов. Поплыли навстречу островки желтовато-серой растительности, мелькнула ядовитая зелень поливной плантации.

Ар-Шарлахи, естественно, ничего этого видеть не мог, но по тому, как изменился ход каторги, давно сообразил, что Харва уже близко. Кончилась изматывающая качка по барханам пустыни Теген, под огромными полыми колесами скрипела и стреляла камушками ровная степь.

Ар-Шарлахи, кряхтя, перевернулся на живот и приподнялся, упершись локтями в настил.

– Послушай... – негромко позвал он. – Но ведь уже два дня минуло! Шарлах наверняка ушел в пустыню... Какой смысл врать дальше? Скажи ты им, что никакой я не разбойник!

– Зачем? – равнодушно осведомилась Алият.

– Но ведь это же правда!

Алият тоже приподнялась на локте и брезгливо оглядела Ар-Шарлахи.

– Да уж... – уязвила она, снова отворачиваясь к стенке. – Что правда – то правда...

– Судью, что ли, оберегаешь?.. – процедил Ар-Шарлахи. – Или начальника стражи?.. Сама же видела, что они со мной сделали! А ведь судья мне другом

считался... Ш-шакалы!.. Да и Шарлах твой ничем не лучше! Гуляет себе на воле, а тебя вон в Харву везут... на двух цепях...

После этих слов Алият замолчала вообще. То ли оскорбилась, то ли задумалась. И Ар-Шарлахи вновь предался горестным размышлениям.

«Передаем тебя в руки государя...» Как же это все-таки понимать? Не в прямом же смысле!.. Хотя почему бы и нет?.. Досточтимый Ар-Маура, скорпионов ему в оба рукава, помнится, говорил, что государь послал за Шарлахом целый караван, да еще и распорядился взять живьем... Для какой же это, интересно, надобности потребовался государю, непостижимому и бессмертному, ничтожный разбойник Шарлах?.. А вдруг они знакомы? Скажем, лет пять назад вместе поднимали мятеж против державы Орейутов, а потом грянула война – и дорожки их разбежались... Один стал государем, другой пошел в разбойники...

Предположение, конечно, было слишком невероятным, и все же сердце зашло на секунду от внезапной отчаянной надежды. В самом деле, если государь когда-то знал Шарлаха, то подмена обнаружится незамедлительно... Ох, судья! Несдобровать тебе в этом случае!..

Растянутый за руку и за ногу вдоль переборки, Ар-Шарлахи лежал теперь радостно притихший. Вновь и вновь он представлял себе изумление и гнев государя, когда тот обнаружит, что доставили к нему вовсе не того, кто был ему нужен. Затем с наслаждением начинал воображать, какие именно кары обрушатся на досточтимого Ар-Мауру, на начальника первой стражи, на юного секретаря... И на эту кобру Алият, что по-прежнему лежала неподвижно вдоль противоположной переборки.

Словом, когда подошли к Харве, Ар-Шарлахи навоображал столько всего хорошего, что уже пребывал чуть ли не в бодром расположении духа.

По настилу забегали, оглушительно хлопнуло полотнище, вздрогнул корпус, заскрипели блоки. Слышно было, как внизу, переругиваясь и звеня легкими стальными цепями, занимает места в своих люльках отдохнувшая смена. Все правильно... Вход в Харву на парусах запрещен. Вскоре каторжане, дружно отжимая ногами перекладины ведущих барабанов, плавно погнали судно по ровной брусчатке южного радиального пути. Ко второму внутреннему порту, надо полагать...

Возле сторожевой башни приостановились и, судя по всему, приняли кого-то на палубу. Через некоторое время низкая дверца открылась – и полутемный отсек словно озарился розовым пламенем. На заглянувшем к узникам был просторный халат алого шелка и золотая цепь. Не иначе, сановник и, надо полагать, тот самый, кого только что взяли на борт.

– Они? – спросил он, оглянувшись.

– Они, досточтимый Тамзаа, – поспешно подтвердили снаружи.

– Целы-невредимы? – Не дожидаясь ответа, пламенный незнакомец хотел прикрыть дверцу, но его остановил Ар-Шарлахи.

– Досточтимый! Я хочу донести на судью Ар-Мауру!

Голорылый помедлил и с любопытством посмотрел на Ар-Шарлахи.

– Разве ты не знаешь, что доносы от изобличенных преступников не принимаются? – спросил он.

Ар-Шарлахи растерялся.

– Да, но... – беспомощно проговорил он. – В чем преступление? Был ведь указ государя, что разбоя в пустынях нет...

Голорылый снисходительно улыбнулся.

– Разумеется, нет, – подтвердил он. – Но своими поступками ты дал повод многим людям усомниться в этом. Так что вина твоя очевидна...

С этими словами досточтимый покинул отсек.

– А ты знаешь, как мы обычно поступаем с доносчиками? – сонным голосом осведомилась Алият. – Если поймаем, конечно...

– Да раздоби тебя кивающий молот!.. – выругался сквозь зубы Ар-Шарлахи и вновь отвернулся к стенке.

Лучше бы он не заговаривал с этим сановником. Снова зашевелились самые нехорошие предчувствия. Ар-Шарлахи лежал на боку и бессмысленно разглядывал тонкое стальное кольцо на запястье. При Орейе Четвертом таких оков не водилось... Были тяжелые железные кандалы, часто ржавые. Но, кстати, освободиться от них было куда легче. А эти... Изящный браслетик, ни дать ни взять женское украшение, да еще и с замочком, а попробуй распили! Ничем ведь не распилишь!.. Да, много чего научились делать в Харве за последние пять лет. Эпоха боевых щитов и стальных цепей...

Ар-Шарлахи криво усмехнулся и тут же вновь встревожился. Судя по всему, каторга давно миновала второй внутренний порт и теперь явно направлялась к первому. Ну это вообще что-то неслыханное! Первый порт был расчищен и вымощен сто с лишним лет назад, когда Харва представляла из себя скопище крытых пальмовыми ветками хижин, жмущихся к сторожевым башням цитадели и ныне упраздненному храму Четырех Верблюдов. Слишком маленькая, чтобы принимать боевые каторги, эта древняя гавань использовалась теперь исключительно как стоянка легких, похожих на безделушки судов, принадлежащих знати и предназначенных, в основном, для церемониальных выездов да увеселительных прогулок.

– Тюрьму проехали... – упавшим голосом сообщил Ар-Шарлахи, полуобернувшись. – Неужто и впрямь к государю?..

Алият, как и следовало ожидать, не ответила. Приглядевшись, Ар-Шарлахи понял, что она не спит, а напряженно прислушивается к чему-то. Прислушался и он. На палубе неподалеку от их отсека два мужских голоса вели негромкий разговор.

– ...подгонишь каторгу вплотную к дворцу, высадишь обоих – и сразу назад.

– Высаживать связанными?

– Нет... Это лишнее.

– Охрана?

– Охраны тоже не нужно. Там их примет стража государя...

Голоса откочевали в сторону кормы, стали невнятные. Судя по всему, это прогуливались, беседуя, погонщик почтовой каторги и принятый на борт сановник.

– Да что ж вы там такого вдвоем натворили?.. – не выдержав, сипло спросил Ар-Шарлахи, и ответа опять не получил.

Впрочем, Алият и не успела бы ответить, потому что дверца отворилась вновь, и в отсек протиснулся огромный стражник. Дважды щелкнув крохотным ключиком, освободил Ар-Шарлахи от оков и, вытолкнув наружу, склонился над Алият.

– На выход! Быстрее, быстрее, не задерживаться!..

И все-таки, ступив на трап, Ар-Шарлахи не мог не приостановиться, за что тут же получил толчок в спину. Столицы красивее Харвы он не знал и даже представить был не в силах. Перистая зелень, ажурный розовый камень, и с трех сторон возносящиеся чуть ли не в зенит горы – ледяные, ребристые – и такое впечатление, что покрытые испариной. А между ними – пронзительно-синее, словно бы влажное небо. Небо, которое можно увидеть только здесь.

Стража государя действительно ждала их у трапа – рослые молчаливые ребята с каменными лицами – все в черных шелковых халатах. Без щитов и, если не считать пары кинжалов на поясе, можно сказать, безоружные. Да и зачем в Харве зеркальные щиты? Разве что для парада... Однако когда пальцы стражей сомкнулись на обоих запястьях Ар-Шарлахи, он почувствовал, что из стальных браслетов вырваться было бы проще.

Их повели по замшелой брусчатке к Малому дворцу. Краем глаза Ар-Шарлахи видел розовый куб храма. Сверху углы здания (там, где раньше красовались изваяния верблюдов) были теперь оббиты и полуобрушены. Вон на том,

обращенном к востоку, стоял верблюд по имени Ганеб – мощный, с шипами на узловатых коленях, с шеей, закованной в чешуйчатую броню...

Сзади скрипнули оси – почтовая каторга отползала задним ходом.

Лестница, ведущая на крыльцо дворца, была столь широка, что узников повели рядом. Ар-Шарлахи повернул голову и заметил не без злорадства, что Алият очень бледна... Что, кобра? Страшно? Вот так-то! Шутки кончились... Однако уже в следующую секунду он и сам задохнулся от страха. Там, за дверьми ажурной ковки, в сумрачной глубине дворца их обоих ждала судьба...

– Вот они, государь! – с трепетом объявил вывернувшийся из-за спин стражников голорылый сановник в пламенном халате.

Несмотря на то, что у Ар-Шарлахи уже подкатывались глаза и не слушались ноги, он все же не мог не отметить краем сознания всю неожиданность происходящего. Не было ни доклада, ни церемониала... Вот так, запросто, целой толпой вломиться в покои государя? Даже досточтимый Ар-Маура – и тот требовал к себе большего уважения!.. Поразило и другое: в просторном покое, убранном мрачными лиловыми шелками, никого не было. За небольшим заваленным свитками столом сидел лишь скромно одетый секретарь. Мелькнула оторопелая мысль, что государь, должно быть, и впрямь непостижим... для взора простых смертных...

Но тут секретарь вскинул голову. Ар-Шарлахи увидел бледное изможденное лицо с глубоко запавшими, нечеловечески пристальными глазами – и содрогнулся. Не могло быть у секретаря таких глаз! За столом, заваленном свитками, сидел сам Улькар Единственный – бессмертный, непостижимый и всемогущий.

В следующий миг государь стремительно встал из-за столика и подошел к Ар-Шарлахи почти вплотную. Тот невольно отшатнулся. Невысокий, сухощавый, с черными тенями у глаз, Улькар совершенно не походил на свои многочисленные изображения. Ар-Шарлахи всегда казалось, что он должен быть куда старше. По меньшей мере, ровесник Ар-Мауры...

– Лица!.. Лица откройте!.. – прошипел сановник. – Перед государем стоите!..

Запавшие пристальные глаза обратились к говорящему. Возникла чуткая испуганная тишина.

– Ты полагаешь, досточтимый Тамзаа, – раздался негромкий надломленный голос, – что какая-то тряпка помешает мне заглянуть в душу подданного?

Произнеся это, государь резко повернулся к Ар-Шарлахи, буквально въевшись в него глазами. Трудно сказать, что именно прочел он в душе узника, но тонкие язвительные губы непостижимого и бессмертного дрогнули в улыбке. Недвижными башнями черного шелка сзади замерла стража. Сановник гнулся в виноватом полупоклоне.

– Ну что ж, беспокойный мой подданный Шарлах, – медленно проговорил государь. – Дела твои мне известны, но меня они не интересуют. Будем считать, что их не было вообще... А призвал я тебя, чтобы задать один-единственный вопрос... – Улькар умолк, осунулся, потом вскинул обведенные тенью глаза и, перейдя вдруг почти на шепот, спросил: – Дорогу к морю – знаешь?

– Непостижимый и бессмертный, я...

– Без церемоний! – Улькар предостерегающе поднял руку. – Молва утверждает, что ты открыл дорогу к морю. Отвечай просто: да или нет?

Ар-Шарлахи судорожно сглотнул. Он понимал, что от его ответа зависит все.

– Да, государь... – выдавил он наконец.

Непостижимый и всемогущий удовлетворенно наклонил голову и довольно долго пребывал в этой позе. Остальные тоже стояли неподвижно, боясь пошевелиться. Наконец государь кивнул и бодро, чтобы не сказать – весело, оглядел присутствующих.

– Обоих накормить, – приказал он. – Уложить спать. А завтра... – Улькар запнулся и встревоженно взглянул на сановника. – Что караван?

– Готов, государь.

– Прекрасно... А кто поведет?

– Досточтимый Хаилза.

– Хаилза? – Улькар озадаченно нахмурился. – Впрочем... Время сейчас мирное... Ладно. Будь по-твоему. – Он снова повернулся к Ар-Шарлахи. – Стало быть, завтра вы двое поступаете в распоряжение караванного, досточтимого Хаилзы. Пойдете проводниками.

– Куда, государь?

– К морю.

Рядом с Ар-Шарлахи судорожно вздохнула Алият – и вдруг медленно осела на пол.

Глава 6. НАЧАЛО ПУТИ

В дальнем крыле дворца им отвели небольшую, почти квадратную комнату с четырьмя бронзовыми светильниками, коричневатыми шелками на стенах и стрельчатым, забранным узорной решеткой окном. Два невысоких ложа, стол на причудливо изогнутых ножках, несколько легких резных стульев. Вполне можно было вообразить себя гостями, если бы не тонкие стальные цепи, которыми их вновь приковали – каждого к своему ложу.

Колебалось пламя в бронзовых чашах, за окном бродила во тьме перистая листва. Москитов и прочей летучей мерзости в Харве в это время года почти не водилось.

Для Ар-Шарлахи такая обстановка была привычна, что же касается Алият, впервые попавшей в столицу, то она отнеслась ко всем этим изыскам цивилизации с откровенной враждебностью. Судя по всему, у нее в голове не укладывалось, как это можно просто сидеть на стуле. На стуле не сидят – на

стуле восседают, оглашая приговор или, скажем, указ государя... Идея ложа, приподнятого над полом, тоже была ей не совсем понятна.

Однако, поскольку ужин располагался на столе, волей-неволей разбойнице пришлось воспользоваться стулом. Ар-Шарлахи, не церемонясь, откинул с лица повязку. Алият только фыркнула злобно, но смолчала, а через некоторое время открыла лицо сама.

– Так что с тобой тогда стряслось-то? – буркнул Ар-Шарлахи, разливая вино в оловянные кубки. – Держалась-держалась – и вдруг на тебе! Обморок!..

Вопрос произвел самое неожиданное действие. Алият взглянула испуганно, дрогнувшей рукой вернула на блюдо разодранную пополам жареную птичку, и Ар-Шарлахи на секунду почудилось, что разбойница опять лишится чувств и оползет со стула на пол.

– Море... – жалобно произнесла Алият.

– Ну и что?

– Море – это смерть...

Ар-Шарлахи хмыкнул и почесал бровь.

– Позволь-позволь... Так вы что, в самом деле выходили к морю?

Алият вздрогнула.

– Нет, – сказала она. – Конечно, нет... Я его видела только в миражах.

– Ну, в миражах я его и сам видел... – С каждым глотком вина на Ар-Шарлахи снисходило умиротворение. Ему, к примеру, уже не хотелось придушить Алият. Мало того, проявив слабость, разбойница стала ему куда более симпатична. – Вот ты говоришь: смерть... А по-моему, наоборот. Скажи я сегодня, что не знаю дороги к морю... – Ар-Шарлахи осклабился. – Живы – и ладно!

Залпом осушил кубок, задумался. Потом вздохнул и накинудся на еду.

– Море-то ему зачем?.. – пробормотал он, умело орудуя ножом и двузубой вилкой. Замер, не донеся куска до рта. – Слу-шай! А ты заметила, какие у него тени под глазами? Он же явно чем-то болен!..

– Кто? Государь? Он ведь бессмертен!

– Согласно указу – да... – Ар-Шарлахи отправил кусок в рот и принялся жевать с самым задумчивым видом. – А интересно все получается, правда? Объявил себя бессмертным, но сам в этом не уверен... А тут вдруг проходит слух, что какой-то разбойник нашел дорогу к морю...

– Море – это смерть! – возмущенно напомнила Алият.

– Это вы так считаете со своим Шарлахом! А здесь, в Харве, придерживаются учения премудрого Андрбы, согласно которому искупавшийся в морской воде исцелится от любого недуга и станет бессмертным... Ну конечно! Как же это я раньше не догадался?.. Вот он что затевает! Поход за морской водой...

Алият сидела растерянная и бледная.

– А на самом деле? – запинаясь, спросила она.

– Что «на самом деле»?

– Море... Что это такое вообще?

Ар-Шарлахи ухмыльнулся и снова наполнил свой кубок. Хотел наполнить и кубок Алият, но та к вину даже и не притронулась.

– А вот об этом, – сказал он, – мудрецы спорят чуть ли не два века. Одни говорят – царство мертвых, другие говорят – источник бессмертия. А был еще такой Арегуг, прозванный безбожным... Так вот он утверждал, что море – это просто много воды.

Некоторое время Алият подавленно молчала. Глядя на нее, примолк и Ар-Шарлахи. За окном шуршали облитые серебристым светом пальмы. В

зарешеченное ажурное окно лезла разбойничья злая луна.

– Да-а... – мрачняя, протянул он наконец. – Впутала ты меня в историю... Как же теперь быть-то?

Алият решительно отодвинула полную птичьих косточек тарелку.

– Сколько кораблей в караване? – отрывисто спросила она вдруг.

– Ну откуда же я знаю! Штук пять... Во всяком случае, Шарлаху даже один такой корабль не по зубам... Если ты, конечно, рассчитываешь на Шарлаха.

С угрюмым видом Алият закрыла лицо повязкой.

– Как они только тут, в Харве своей, живут! – раздраженно сказала она, скорее сползая с сиденья, нежели поднимаясь с него. – Стулья, стулья... Может, они и детей тоже на стульях делают?

– Бывает, что и на стульях... – пробормотал Ар-Шарлахи, сосредоточенно сливая остатки вина в оловянный кубок.

Поскольку крупных копытных в Харве, как, впрочем, и во всем обозримом мире, не водилось, основным видом столичного транспорта были рикши. Покачиваясь в двуколке, влекомой коренастым парнем в голубой полотняной рубаше с черной буквой «альк» между лопаток, Ар-Шарлахи с невольным любопытством оглядывал утренние улицы. Харва по-прежнему была прекрасна, и все же за пять лет здесь многое изменилось, причем далеко не к лучшему. Мусора на мостовых стало заметно больше, да и сами мостовые заметно продавились от обочин к середине, дома обветшали, обвалившийся сухой фонтан превратился в свалку. Поражало также количество бродячих торговцев. Такое впечатление, что вся Харва вышла на улицы с товарами в руках. Торговали какими-то невиданными вещами, а один раз Ар-Шарлахи даже заметил вынесенные на продажу связки легких стальных цепей с браслетами. Веселое зрелище, особенно если учесть, что обе его руки были прикованы к подлокотникам двуколки именно такими цепями.

Несколько раз, когда кавалькада из семи рикш выворачивалась из-за угла, кое-кто из торгующих бойко кидался наперерез, протягивая какие-то блестящие многолезвийные ножики или что-нибудь еще в этом роде, но тут же отшатывался, увидев на борту двуколки черную вязь дворцовой охраны. Кавалькада миновала центральные кварталы и устремилась в сторону внешнего порта. Вскоре замелькали по обе стороны крытые пальмовыми ветками хижины окраин, листвы стало меньше, лба коснулось горячее дыхание степного ветра. Порт был уже близко.

Собственно порт представлял из себя обширную, ровную, как щит, площадь, ограниченную с трех сторон строениями и рощами с жухлой листвой. Четвертой стороны, можно сказать, не было – там сразу распаивалась степь. До горизонта.

Рикши благоразумно перешли с легкой трусцы на размеренный шаг, ибо ноги их увязали теперь в нежной горячей пыли чуть ли не по щиколотку.

Ар-Шарлахи еще издали угадал корабль, к которому они направлялись. Припав на огромное переднее колесо и широко раскинув задние опоры, он поднимал корму, как атакующий скорпион. Боевой двухмачтовик, способный выставить до сорока зеркал по борту. Сиял окованный медью таран, сверкали два два широко раскинутых серпа. На носу вместо верблюжьей морды – короткий рог, видимо, судно строилось уже после указа о божественной сущности государя. Вторая ось – ведущая, как у каторги, – стало быть, эта махина может двигаться и в полном безветрии. Да-а, к такому кораблю Шарлах даже и не приблизится... И ведь это один лишь только вожак, а за ним еще пойдет караван...

«Самум» – прочел Ар-Шарлахи название, выведенное алой вязью на высокой розовой корме корабля.

Караванный Хаилза, краснолицый свирепый крепыш, полагал себя человеком прямым, и прямопу свою считал нужным выказывать при первом удобном случае. Завидев Ар-Шарлахи и Алият, он смерил их тяжелым взглядом и процедил с ненавистью:

– Конечно, повеления государя не обсуждают, но будь моя воля, вы бы и пяти минут не прожили... С отребьем вроде вас у меня разговор короткий, ясно? – Гневно фыркнул и ушел, бормоча: – Только разбойников мне на вожаке не хватало!.. С разбойниками я еще в поход не ходил!..

Судя по всему, дурак он был редкий и перечить ему не стоило.

Шарлаха и Алият на этот раз поместили под кормовой рубкой. По сравнению с тесным полутемным отсеком почтовой каторги помещение было роскошным: чище, просторнее, но, самое главное, там имелось амбразура с толстой стеклянной заслонкой, дающая полный обзор пространства впереди корабля. «Самуму», скорее всего, не исполнилось еще и года, розовые с золотом борта были лишь слегка посечены песчаными бурями, да и стекла заслонки – ясные, не исцарапанные... Хотя заслонку могли поменять перед самым походом...

Солнце еще только карабкалось в зенит, когда караван из четырех кораблей выполз на мускульной тяге из порта и подхваченный попутным ветром двинулся в степь. Постанывали подпружные балки, хлопали вымпелы.

К полудню к разбойничкам заглянул сердитый красномордый караванный. Не глядя, протянул руку к открытой дверце, и ему подали снаружи низенький табурет. Сидеть на коврике досточтимый Хаилза, видимо, считал ниже своего достоинства. Воссел. Подождал, пока услужливая рука снаружи закроет дверцу, и с недовольным видом развернул карту.

– Показывай, – буркнул он.

Ар-Шарлахи облизнул губы.

– Что показывать, досточтимый?

Караванный побагровел гуще прежнего.

– Только не прикидывайся дурачком! Не таких обламывал!.. Где он, этот твой путь к морю?

– Досточтимый... – виновато сказал Ар-Шарлахи. – Мы люди простые, мы больше по памяти... Карт у нас нет...

Досточтимый Хаилза грязно выругался, помянув и разбойничью злую луну, и кивающие молоты, и всех четырех верблюдов.

– Вот это – Харва, – прорычал он, тыча в развернутый свиток. – Мы сейчас находимся – здесь. Вот тут – пески Теген... Ну, соображай, соображай!

Ар-Шарлахи робко протянул руку к свитку.

– Сначала вот так, по краю плато Папалан... а дальше... вот сюда, песками Чубарры... к югу...

– Чубарра не здесь, – с презрением бросил караванный. – Чубарра – вот она... Короче, те самые места, где ты разбойничал... А сам проход к морю – где он?

– Где-то тут... – И Ар-Шарлахи, поколебавшись, коснулся пальцем пола на вершок южнее края карты.

– Там же сплошные скалы! Колеса изломаем!.. Туда вообще никто никогда не совался!

– Есть проход, досточтимый, – смиренно отвечал Ар-Шарлахи. – Я надеюсь, что мне удастся найти его и в этот раз...

Караванный засопел и свернул свиток.

– Ладно, – решил он наконец. – Доберемся до Чубарры, а дальше буду вас по очереди приковывать в рубке, у штурвала. По памяти – значит по памяти. И молитесь, чтобы память вас не подвела...

Изрекши смутную эту угрозу, караванный удалился. В дверцу просунулся испуганный матросик и убрал табурет. Алият медленно повернулась к Ар-Шарлахи.

– А ты, оказывается, не такой уж и дурак, – с некоторым удивлением проговорила она.

Вздыхаемая огромными колесами желтоватая пыль тянулась по ветру, обгоняя караван. Всю правую сторону обозримой степи заволочло клубящейся мутью. «Самум» слегка покачивало. Откуда-то снизу снова донесся раздраженный зык караванного. Вообще следует заметить, что голос у досточтимого Хаилзы был какой-то всепроникающий и проходил сквозь тонкие переборки, как нож. Только его и было слышно.

– И это вожак? – задыхаясь, вопрошал кого-то караванный. – Это головной корабль? Что же тогда делается на остальных судах?.. Что это за бочка в трюме?

Ответ был настолько почтителен, что ушей Ар-Шарлахи не достиг.

– Для морской воды?.. – озадаченно переспросил караванный и на минуту умолк. – Ну хорошо, а это что такое? Что это такое, я спрашиваю!.. Вызвать людей и чтобы больше я этого не видел!

Голос караванного гулял по кораблю – скрипел, скрежетал, рывкал. Взыскания сыпались направо и налево. Кого-то уже привязали к брусам и отмерили десяток ударов тростью. Наконец досточтимый убрался в свою каюту, но и там угомонился не сразу.

– Досточтимый Тамзаа... – доносилось временами до Ар-Шарлахи его злобное ворчанье. – Удружил, нечего сказать!.. Надо же: сам готовил караван к походу!.. Рога от хвоста не отличит – и туда же... Да о таком деле за полторы луны предупреждать надо!..

Хрипло прокричал рожок. Стало быть, скоро покормят... Действительно, вскоре за переборкой раздались шаги, звякнула посуда, потом вдруг послышался торопливый сиплый шепот, из которого удалось разобрать лишь два слова: «...расскажешь потом...» – и низкая дверь приоткрылась.

Матрос, принесший им еду, был, надо полагать, выходцем с Пальмовой дороги. Во всяком случае, лицо прикрывал повязкой. Вел он себя как-то странно. Глаза – так и бегают, словно что-нибудь своровать собрался. Украдкой метнул взгляд на Ар-Шарлахи, потом на Алият, поставил поднос и, не промолвив ни слова, удалился. Возможно, говорить с разбойниками было запрещено.

К вечеру ветер ослаб, степь сменилась пологими барханами Тегена. «Самум» то заваливался в седловину меж двумя дюнами, то, натужно скрипя, выезжал с разгону на гребень. Судя по знакомому звяканью внизу, смена каторжан занимала места в люльках.

– Слушай, а ведь тут у них не матросы барабан толкают, – с озабоченным видом сказала вдруг Алият. – Слышишь? Цепи...

– Ну и что? – спросил Ар-Шарлахи.

– Так... – уклончиво ответила она, нервно оглаживая стальной браслет на запястье. – Стало быть, не мы одни тут прикованы...

Вся ночь ушла на изматывающий подъем по накатанному пологому склону, вдобавок чуть ли не в полном безветрии. Только к утру, когда эскадра выбралась наконец на плато Папалан, на мачтах шевельнулись и защелкали вымпелы. Согласно древней мудрости, ветер в пустыне просыпается вместе с солнцем. Вскоре «Самум» наярив паруса, и под барабанами огромных колес бойко захрустел красноватый щебень.

Выяснилось, впрочем, что с восходом солнца просыпается не только ветер. Вчера караванный, можно сказать, лишь брюзжал, теперь же он словно с цепи сорвался.

– Почему у всей команды тряпки на мордах? – неистово гремел он. – Здесь что, Кимир? Или все-таки Харва?.. Что значит «только в походе»? В каком уставе написано, что в походе положено прикрывать лица? Во время песчаной бури – да! В бурю я и сам прикрою!.. Почему сейчас?

– Многие из них с Пальмовой дороги, – растерянно объяснял кто-то, видимо, погонщик «Самума». – Там считается позором, если мужчина с голым лицом...

– Нет никакой Пальмовой дороги! Есть Харва!.. И если мужчина прикрывает морду, он либо кимирец, либо разбойник! И с теми и с другими у меня разговор короткий!..

Караванный сделал зловещую паузу. Затем изрек – сухо и язвительно:

– Не смогли добиться порядка перед походом, значит будем наводить порядок во время похода...

Наведение порядка, как это ни странно, коснулось и Ар-Шарлахи. Досточтимый Хаилза приказал отвести его в рубку и приковать рядом со штурвалом уже сегодня, хотя до белых песков Чубарры им оставался добрый дневной переход. При условии попутного ветра, разумеется.

Стоя перед широкой амбразурой с поднятой заслонкой, Ар-Шарлахи оглядывал исподлобья красноватую, колеблющуюся от зноя равнину, а сзади по сторонам огромного штурвала молчали двое рулевых в белых выжженных солнцем балахонах и с повязками на смуглых скуластых лицах. Наконец тот, что за правым плечом, спросил тихо и равнодушно:

– Ты – Шарлах?

Ар-Шарлахи покосился через плечо. Дитина невозмутимо всматривался вдаль, будто и не он спрашивал. Ухватистые ручищи – на рогах штурвала.

– Ар-Шарлахи... – поправил Ар-Шарлахи, снова отворачиваясь к амбразуре.

Рулевой помедлил.

– Ну нам это все равно... Как тебя поймали-то?

Ар-Шарлахи неопределенно повел плечом.

– Говорят, целый караван отрядили? – с любопытством спросил второй.

Ар-Шарлахи опять отмолчался. Спиной почувствовал, что рулевые разочарованно переглянулись.

– Ну так конечно... – проворчал первый. – Разве от каравана уйдешь!.. А был бы настоящий, ходкий корабль... вроде этого...

– Смотри, обломок! – прервал его Ар-Шарлахи. – Прямо по курсу. За правым колесом пропусти!

Действительно, навстречу набегал ребристый красно-черный камень солидных размеров. Матросы не раздумывая качнули штурвал. Скрипнули смолёные канаты, поворачивая переднее рулевое колесо. «Самум» шатнулся, слегка меняя курс.

В рубку тут же заглянул молоденький голорылый погонщик, чем-то похожий на секретаря досточтимого Ар-Мауры. Непонятно, за какие заслуги Единая Харва доверила этому щуплому юноше один из лучших боевых кораблей. Протекция, не иначе...

– Кто скомандовал?

– Там обломок был... – пояснил Ар-Шарлахи.

Юноша грозно нахмурился, потом кашлянул, оглянулся воровато и, понизив голос, спросил с неким даже замиранием в голосе:

– Слушай... Так ты, значит, и есть тот самый Шарлах?..

Глава 7. ЛУНА ВСЕМУ ВИНЮЮ

– Ну что? – жадно спросила Алият, когда Ар-Шарлахи привели из рубки и вновь водворили на цепь. – Говорил?

– С кем? – не понял тот.

В темных, хищно прищуренных глазах мелькнуло раздражение.

– С людьми, конечно, с кем же еще!

– Ты о чем?

Алият одарила его бешеным взглядом и больше вопросов не задавала. Покачивался настил, скрипели блоки, в снастях пел ветер. Эскадра забирала все круче к югу, к белым пескам Чубарры.

А после обеда пришла очередь Алият стоять в рубке. Оставшись в одиночестве, Ар-Шарлахи в самом подавленном настроении подобрался к амбразуре. Долго смотрел на плывущие навстречу подрагивающие полотна красноватого щебня, вяло размышляя, почему это все матросы на «Самуме» прикрывают лица повязками. Офицеры сплошь голорылые, а вот матросы... Такое впечатление, что досточтимый Тамзаа (это ведь он готовил караван к походу!) умышленно набрал команду целиком из жителей Пальмовой дороги... Да нет, не может быть!.. И тем не менее все в повязках... Мода, что ли, у них такая пошла в предгорьях?.. Или это просто скрытый протест? В Харве-то, по всему видать, неблагополучно...

Алият привели обратно на удивление быстро. Как выяснилось, до караванного наконец дошло, что второй разбойник – женщина и, стало быть, делать ей в рубке нечего. Вернулась Алият возбужденная и необычно словоохотливая.

– Караванного – ненавидят, – как бы невзначай сообщила она.

– Да я думаю... – согласился Ар-Шарлахи. – Таких дураков я еще встречал!.. Хаилза... Никогда ничего не слышал о таком караванном...

– И к морю идти – боятся, – многозначительно добавила Алият. – Так боятся, что аж пот их прошибает!..

Ар-Шарлахи хмыкнул и задумался.

– Странно, – сказал он. – Что ж у них, совсем соображения нет? Если мы с тобой, как они считают, уже выходили к морю и тем не менее живы...

– А я им сказала, что мы заговоренные, – объяснила Алият.

Услышав такое, Ар-Шарлахи даже изумился слегка. Надо же! А он и не подозревал, что ей свойственно чувство юмора... Да еще и в такой ситуации... Однако уже в следующий миг до него дошло, что юмором здесь и не пахнет.

– Ты... что затеваешь? – с запинкой спросил он.

Алият словно и не расслышала.

– Уж не головной ли корабль взбунтовать? – Ар-Шарлахи понизил голос до предела, и все же вопрос прозвучал скорее насмешливо, чем испуганно. – А от каравана как собираешься отрываться?

Алият прерывисто вздохнула, с тоской глядя на прыгающую в низкой широкой прорези красноватую равнину.

– Шарлах... – беспомощно произнесла она.

– А что он может? Он сейчас один, шайка рассеяна, кораблей у него нет... Да если бы даже и были!.. – Ар-Шарлахи приостановился и с интересом посмотрел на Алият. – А ты, я гляжу, сильно его любишь, – заметил он чуть ли не с завистью. – Можно сказать, на все пошла, собой пожертвовала...

– Шарлах – мужчина... – равнодушно отозвалась Алият. С таким видом говорят о чем-то само собой разумеющемся.

– А я? – невольно спросил он.

Алият вскинула голову и, должно быть, хотела сказать очередную резкость, как вдруг взгляд ее стал несколько растерянным.

– Тебя не поймешь... – нехотя призналась она. – Моря не боишься...

Ар-Шарлахи невесело усмехнулся.

– Как можно бояться того, чего нет? Смерть это, бессмертие или просто много воды – какая нам разница, если туда все равно не добраться!.. Не думаешь же ты, что я и впрямь найду выход к морю?

– На что же ты тогда надеешься?

Теперь уже затосковал Ар-Шарлахи. С надеждами дело обстояло из рук вон плохо.

– Жду, когда колесо отвалится, – буркнул он, с запоздалым сожалением вспоминая набегающий прямо по курсу красно-черный обломок. Не скомандуй он тогда рулевым – глядишь, и впрямь запороли бы колесико...

– У всех кораблей сразу?

– Послушай, – сказал он сквозь зубы. – Что бы ты там ни затевала, твоим сообщником я все равно не стану. Считаю меня трусом, шутом, пьяницей, но пойми ты: я ненавижу бунт! Я ненавижу кровь!.. Все, о чем я мечтаю, – это чтобы меня оставили в покое!

Недоуменно сдвинув брови, Алият пристально смотрела на Ар-Шарлахи.

– Нет, все-таки ты дурак... – с сожалением решила она наконец. – Ну кто же теперь оставит тебя в покое?

К вечеру под колесами зашипели белые барханы Чубарры. Ветер стих. Быстро схлынули серые сумерки, и наступила ночь – беспокойная ночь полнолуния, толкающая людей на отчаянные дела и опрометчивые поступки. Именно в такие ночи удаются самые дерзкие грабежи и дворцовые перевороты. Разбойничья злая луна становится идеальным диском, и особенно четко обозначается на нем голубоватый контур верблюдицы – матери четырех верблюдов, на которых предки спустились когда-то с горных отрогов Харвы. Души погонщиков, обитающие теперь на луне, слетают в эту ночь на землю, чтобы смутить покой своих потомков, лишить их сна, нашептать безрассудные замыслы... И предкам не объяснишь, что времена изменились и что слово «разбой» для выученика

премудрого Гоена означает вовсе не подвиг, а нечто совсем иное.

А следующей ночью луна пойдет на ущерб, и тревога понемногу уляжется, душа прояснится...

Караванный был настолько мудр, что не рискнул ползти в ночном безветрии черепашьям шагом – приказал сделать остановку до утра, надеясь завтра воспользоваться господствующим здесь восточным ветром и двинуться в путь под всеми парусами.

Облитый жидким серебром караван припал к светлому от луны песку подобно четырем огромным скорпионам. Ар-Шарлахи не спалось. Он сидел, ссутулившись, как бы разрезанный пополам полосой холодного света, бьющего в пол из широкой амбразуры, и с тоской думал о том, что будет завтра. Сколько еще времени ему удастся морочить голову досточтимому Хаилзе, делая вид, что и впрямь не может отыскать проход в скалах, который был где-то здесь?..

В противоположном углу зашуршали, зашевелились смутные белые складки – Алият тоже маялась бессонницей. Наконец села, звякнув цепью.

– Оказывается, горы такие высокие... – расстроенно сказала она. – Как они там вообще жили?..

– Кто?

– Предки... и верблюды...

– Да не жили они там, – сказал Ар-Шарлахи. – В горах долго не проживешь: снег, лед...

– Но они же спустились с гор!

– Правильно. Спустились. А в горах не жили. Они пришли из-за гор, с той стороны, понимаешь?

Некоторое время Алият с озадаченным видом переваривала услышанное. Мысль о том, что у гор может быть еще какая-то другая сторона, судя по всему,

никогда не приходила ей в голову.

– А откуда ты все это знаешь? – подозрительно спросила она.

Ар-Шарлахи усмехнулся.

– Я долго учился в Харве, – пояснил он. – Большею частью, правда, пьянствовал, но и учился тоже... В промежутках между загулами...

– Расскажи, – внезапно потребовала Алият.

– О чем? О загулах?

– Нет. О горах. Что там, с той стороны?

– Видишь ли... – сказал Ар-Шарлахи. – С горами – как с морем. Никто ничего в точности не знает, но спорят – чуть ли не до драки. У одного моего знакомого, досточтимого Гейки, в домашней коллекции хранился свиток, якобы, собственноручно исписанный Арегугом – тем самым, которого еще при жизни прозвали безбожным... Все это, конечно, чепуха, никакой Арегуг к этому свитку даже и не прикасался, но все равно документ интереснейший...

Лицо Ар-Шарлахи над приспущенной почти до кончика носа повязкой оживилось, морщины на лбу разгладились.

– Так вот, – продолжал он, – если верить свитку, за горами точно такой же мир, только пустынь в нем почти нет – там, в основном, степи. Предки наши жили в предгорьях, очень похожих на Харву, строили города, торговали. Кораблей у них не водилось, зато были верблюды... И вот лет двести с лишним назад на них напали...

– Кто?

– Враги, естественно. Правда, нападение было как бы вынужденным. Пришельцы сами уходили из-под удара, их тоже согнали со своей земли... Понимаешь, там, за горами, все племена пришли в движение, один народ вытеснял другой, и наши предки в итоге оказались прижаты к предгорьям...

– А почему?..

– В смысле: что явилось первым толчком?.. – Ар-Шарлахи несколько замялся. – Тут я даже не знаю, насколько можно верить этому свитку... Уж больно сведения там... даже не сомнительные, а... сказочные, что ли... Там написано, что будто бы из моря...

– Из моря?

– Да. Надо полагать, что за горами тоже где-то есть море... Так вот, из моря вышли некие «разрисованные» и принялись уничтожать людей. И началась такая вот сумятица...

– Что это значит – «разрисованные»?

– Понятия не имею. Вообще там дальше идут сплошные небылицы. Якобы, эти выходцы из царства мертвых (думаю, что слово «море» употреблено именно в этом смысле) умели летать на огромных деревянных птицах, бросали огонь чуть ли не на несколько миль... Ну, и так далее. Сказка, она и есть сказка. Главное – что? Главное, что наши предки, спасаясь от нашествия, ушли в горы, довольно долго плутали по ущельям и перевалам и наконец, погубив по дороге всех верблюдов, вышли на эту сторону, в предгорья Харвы.

– И их не преследовали?

– Н-навверное, нет. Наверное, враги никогда до этого не видели гор (вроде тебя) и просто не решились углубиться...

Алият задумалась.

– А вдруг это все вранье? – вызывающе спросила она.

– Да наверняка, – согласился Ар-Шарлахи. – Хотя... Всякое может быть...

Они еще немного поговорили, а потом их стало клонить в сон. Первой прилегла Алият, выбрав по обыкновению самый темный угол, а потом, глядя на нее,

принялся устраиваться на ночлег и Ар-Шарлахи.

Однако поспать им так и не удалось. Истошный человеческий вопль ворвался в не успевшее соткаться толком сновидение и подбросил обоих с пола. А потом словно дрожь прошла по деревянным ребрам «Самума». Внизу забежали, загомонили, забренчали цепями. Приглушенный нарастающий рев прокатился от носа к корме.

– Что происходит? – упавшим голосом спросил Ар-Шарлахи.

Алият сидела неподвижно. Впервые темные глаза ее были широко раскрыты. Разбойница, казалось, обезумела от страха. Или от внезапной надежды.

– Держи! Держи!.. – простонали где-то совсем рядом. – Спрыгнет сейчас!..

Послышались звуки борьбы, несколько глухих ударов, потом стремительно приближающийся топот – и дверцу распахнули рывком. Ар-Шарлахи вскочил, ударившись маковкой о низкий потолок, короткая цепь натянулась, браслет больно впился в запястье.

Преследуемый по пятам кипящим лунным светом, в отсек ворвался погонщик «Самума», молоденький и голорылый. Тот самый, что заглянул вчера в рубку узнать, кто это скомандовал изменить курс. Он кинулся к узнику, дрожа всем телом, вцепился мертвой хваткой в рукав плаща и завизжал, как подбитый песчаный заяц:

– Шарлах! Шарлах! Шарлах!..

Далее в дверцу, заслонив на миг лунное кипение, рыча, ввалился рослый плечистый матрос. Прежде чем Ар-Шарлахи успел выпростать рукав и таким образом освободить хотя бы одну руку, блеснуло железо, ужаснул хрустящий удар, в лицо и на повязку брызнуло горячей кровью – и тонкий отчаянный крик погонщика прервался.

...Матрос стоял, медленно опуская тесак, и, казалось, сам не понимал, что произошло.

– За что? – сдавленно спросил Ар-Шарлахи, тщетно пытаясь разжать хватку теперь уже мертвых пальцев.

Матрос поднял на него пустые, наполненные лунным светом глаза – и попятился.

– Ключ! – Голос Алият щелкнул, как стальной замок иноземной работы. – Быстро!

Матрос спиной вывалился в дверцу, метнулся вправо, влево, потом вдруг остановился и взревел, жалобно и угрожающе:

– Ключ, вараны! У кого ключ? Шарлах не раскован!..

Рукав наконец удалось освободить, и тело убиенного мягко осело на пол, в черную сверкающую под луной лужу.

– Да что же это такое? – еле вымолвил Ар-Шарлахи.

– Бунт, – произнесла сквозь зубы Алият. – Идиоты! До сих пор стоят... Сейчас ведь всех повяжут! Отрываться надо...

Ар-Шарлахи со страхом поглядел на труп молоденького погонщика, потом резко повернулся к Алият.

– Твоя работа?

– С ума сошел! – сердито ответила она. – Когда бы я успела?..

– Так кто же их тогда подбил?

Белоснежная повязка, принявшая в лунном свете зеленоватый оттенок, шевельнулась, выдавая язвительный оскал.

– Шарлах, конечно. Кому ж еще?..

Почувствовав слабость, он привалился лопатками к переборке и едва не ополз по ней на пол, к мертвому погонщику. Весь ужас его положения проступил вдруг с беспощадной ясностью. Никого теперь не убедишь, что головной корабль взбунтовал не он. А самое страшное заключается в том, что именно он и взбунтовал. Само присутствие на борту разбойника Шарлаха уже порождало мысль о мятеже... Да еще и в ночь полнолуния...

Если за несколько секунд до этого у него еще мелькала мысль покинуть борт «Самума», как только снимут цепь, то теперь Ар-Шарлахи осознал все безумие этой затеи. Его тут же казнят как главаря – по закону пустыни...

В отсек влезли два матроса с ключами. Спотыкаясь о мертвое тело и немилосердно его топча, торопливо отомкнули браслеты.

– Выбить колодки! – скомандовала Алият. – Каторжан – к ведущему барабану!..

Матросы растерянно уставились сначала на нее, потом на Ар-Шарлахи. Выполнять приказ, полученный от женщины, им еще не доводилось.

– Делайте, что сказано, – процедил Ар-Шарлахи.

– Каторжане раскованы...

– Какая разница? Палубных, каторжан, зеркальщиков – всех к барабану!.. Уходим, покуда целы!..

Один из матросов подхватился и опрометью бросился из отсека. Слышно было, как он ссыпался по лесенке в трюм и заорал на весь корабль:

– Шарлах велел: всех к барабану! Живей, живей, верблюд вас употреби!..

Медленно, ужасающе медленно черная громада «Самума» двинулась в высветленную лунной пустыню. Ар-Шарлахи выглянул из рубки. Караван еще стоял, но в иллюминаторах и амбразурах уже мельтешили огни. Там пока недоумевали, мысль о мятеже на вожак казалась слишком дикой. По бледному песку в направлении первого корабля бежали, спотыкаясь и путаясь в просторных плащах, две белые фигурки – должно быть, уцелевшие офицеры с «Самума». Преследовать их не имело смысла...

– Да что ж мы так ползем!.. – судорожно вздохнула Алият. – Пешком ведь догонят...

Ар-Шарлахи повернулся к преданно глядящему на него длинному сутуловатому матросу, поднявшемуся с ними в рубку без видимых на то причин. Должно быть, один из зачинщиков.

– Запасные люльки есть?

– Должны быть...

– Подвесить и загрузить людьми!

– Как?

– Как хочешь! Под углом!.. – Ар-Шарлахи схватил с доски песочные часы в медной оправе. – Держи! Смена – через каждые три оборота. Сменяться поярусно, чтобы движение не прекращалось, запомнил?

Матрос принял часы, испуганно моргнул пару раз – и, открыв дверцу, канул в серую лунную мглу. Одобрительно хмыкнула Алият.

– Как это все случилось? – с отчаянием спросил Ар-Шарлахи рулевых.

– Караванный с Айчи повязку сорвал, – нехотя объяснил один из стоящих за штурвалом. – Ну а тот его... А мы смотрим, терять, видим, нечего... Ну и...

«Напьюсь, – угрюмо решил Ар-Шарлахи. – При первом удобном случае. У караванного в каюте должно быть вино...»

Он обернулся и снова припал к амбразуре заднего обзора. Караван – три огромных черных скорпиона – уже приходил в движение, перестраиваясь в линию. Погонят широким фронтом. Плохо...

Глава 8. МЕЖДУ ХАРВОЙ И КИМИРОМ

Разбойничья злая луна хранила мятежников. Сразу оторвавшись корпусов на десять, «Самум» продолжал медленно и неуклонно выигрывать шаг за шагом. Если на кораблях преследователей взбадриваемые вином и тростью каторжане ложились к барабану, как принято, в две смены, то на подгоняемом надеждой и страхом «Самуме» перекладки толкала вся команда по очереди.

А утром паруса рванул восточный ветер, и шансы уравнились.

Ветер мел по пустыне, срывал песок с гребней. Небо стремительно выцветало, становясь из пыльно-голубого желтовато-белесым. Погоня была подобна буре. Настигаемый караваном «Самум» как бы прыжками, приседая, летел по барханам Чубарры в дымном клубящемся облаке. Песок сеялся по настилу, скрипел на зубах, визжал в туго сплетенных волокнах твердых от ветра парусов...

У штурвала, напряженно всматриваясь в кипящую за опущенными заслонками из толстого кимирского стекла желтоватую муть, стояли одуревшие от усталости и бессонницы Ар-Шарлахи и длинный сутулый Рийбра, главарь бунтовщиков. Двум третям команды приказано было отдыхать – пользы от лишних рук пока не предвиделось.

– Хоть бы из облака выйти... – пробормотал сутулый мятежник. – И не повернешь... Нарочно по ветру гонит...

– Кто? – вяло спросил Ар-Шарлахи.

– Да караванный...

– Как караванный? – Ар-Шарлахи потрянул головой, пытаясь хотя бы отчасти рассеять сонную одурь. – Разве его не убили?

– Да нет... – смущенно и даже, пожалуй, виновато сказал Рийбра. – Ушел...

Ар-Шарлахи вспомнил две спотыкающиеся фигурки, убегающие по светлому от луны песку.

– Вот оно что... – пробормотал он наконец, не зная, пугаться внезапному этому известию или радоваться. С одной стороны, досточтимый Хаилза – дурак, и это внушает надежду. С другой стороны, это же самое обстоятельство вызывает серьезнейшие опасения. Такой не отвяжется. Такой будет преследовать до конца...

– Все! – сказал Ар-Шарлахи. – Смена!.. Уже глаза подкатываются... Буди Алият! И сам хоть немного вздремни...

Не бросая штурвала, Рийбра дотянулся одной рукой до дверцы, и по рубке заметался шершавый, насыщенный песчинками ветер. Окликнув кого-то на просвистанной палубе, главарь выкрикнул приказ именем Шарлаха. Кинулись будить, звать... Вскоре в рубке появились протирающая глаза Алият и рослый угрюмый матрос – кажется, тот самый, что прикончил тесаком погонщика.

Гордый тем, что держал штурвал вместе с самим Шарлахом, Рийбра уступил место у рулевого колеса и проводил знаменитого разбойника до каюты караванного. Пол под ногами прыгал и пошатывался, так что Ар-Шарлахи дважды налетел на косяк, прежде чем попасть в помещение, принадлежавшее ранее досточтимому Хаилзе.

Из последних сил он открыл шкафчики, поискал вина и, не найдя, в разочаровании повалился на низкое мягкое ложе.

Разбудила его Алият, чем-то по обыкновению рассерженная.

– А?... – пробормотал он спросонья. – Что?... Уже?..

– Пока еще нет! – огрызнулась она. – Но скоро!

– Что скоро? – Он сел, встревоженно моргая. Тряска кончилась. «Самум» медленно покачивало и накреняло.

– Догонят скоро, вот что!..

Ар-Шарлахи вскочил. Передний иллюминатор был чист. Песчаная зыбь Чубарры осталась позади. Прямо по курсу залегли покатые песчаные холмы. Пыльная буря, поднятая погоней, летела теперь стороной, съедая правую половину мира. Стало быть, удалось изменить курс.

Выяснилось, что именно эта перемена курса чуть было не погубила преследуемых, причем совсем недавно. Караванный не зря постарался раскинуть свои корабли как можно более широким фронтом, и когда Алият, отчаявшись гнать «Самум» почти вслепую, попыталась вывести его из пылевой завесы, с правого борта подкралась «Саламандра», нынешний вожак каравана. В слепящем блеске боевых щитов, она взошла над барханами подобно второму солнцу, подобно неслыханной белой звезде. К счастью, еще через несколько мгновений «Самум» перевалил гребень, и колючее злобное сияние за кормой опало. Теперь уже самой «Саламандре» пришлось слегка менять курс, что, собственно, и спасло мятежников.

Тут на «Самуме» едва не случился второй бунт: матросы во главе с Рийброй потребовали немедленно разбудить Шарлаха, пока эта женщина странными своими приказами не выдала их караванному головой.

Алият была вне себя.

– Куда гонят? – сипло спросил Ар-Шарлахи, с озабоченным видом проверяя шкафчик рядом с алебастровой статуэткой государя. Непостижимый и всемогущий, как всегда, был изображен с пучком молний в правой руке и свитком законов в левой.

– В Кимир.

Ар-Шарлахи замер на секунду, потом медленно обернулся, прижимая к груди пузатенький запечатанный кувшинчик.

– Так это же замечательно! – заметил он, на шаривая чашку. – Через границу-то они за нами не увяжутся...

– Если успеем добраться до границы.

– Да уже, можно сказать, добрались. – Ар-Шарлахи снова заглянул в иллюминатор. – Вот-вот ничьи пески пойдут...

Он откупорил кувшинчик, осторожно, чтобы не пролить ни капли, наполнил чашку и против обыкновения осушил ее залпом, не смакуя.

– Это которая по счету? – раздраженно осведомилась Алият.

– Первая, – сказал он и налил вторую.

Спросонья вино ударило в голову, и Ар-Шарлахи, поднимаясь в рубку, несколько раз был вынужден схватиться за стену, слыша при этом за плечом злобное ворчание Алият.

В рубке царила тихая паника. Устремившиеся к Ар-Шарлахи глаза над почтительно натянутыми повязками удивили его выражением усталого отчаяния. Удивили и позабавили.

– Не грустить! – прикрикнул он, твердым – по возможности – шагом ступая в рубку.

Матросы улыбнулись через силу. Шарлах шутить изволит.

– Еще караван, – хрипловато выговорил один из них. – Наперерез идет...

– Где? – изумился Ар-Шарлахи, пролезая к амбразуре.

Действительно, слева по курсу стлалось еще одно пылевое облако солидных размеров. Кораблей пять, не меньше.

– Кимирцы... – с предсмертной тоской в голосе простонала Алият. – Ушли, называется, через границу...

– Может, кимирцам и сдадимся?.. – робко подал голос один из матросов.

– Какая разница? У Харвы с Кимиром договор. Если разбойник бежит через границу, его выдают...

Минута прошла в напряженном молчании. Уже ясно было, что оба караваны сближаются под острым углом и что «Самум» неминуемо окажется в точке пересечения курсов.

С бесшабашной ухмылкой, которую, к счастью, скрыла повязка, Ар-Шарлахи оглядел встревоженные лица. Страха он не чувствовал. После трех чашек вина, выпитых залпом, происходящее казалось ему даже отчасти забавным. И только сердце взмыло жутко и сладостно – первый признак того, что в следующий миг он учинит какую-нибудь очередную пьяную выходку, за которую долго будет потом расплачиваться.

– Да провались оно все... – лениво и беспечно выговорил Ар-Шарлахи, отстраняя от штурвала одного из рулевых. – А ну давай на палубу, командуй к повороту! Четверть курса влево!

– Не смей! – вскрикнула бледная Алият, но тут матросы повернулись к ней с угрожающим ропотом, и она, смолкла, попятившись.

«Ой! – холодея, подумал Ар-Шарлахи. – А действительно, что это я?..»

Однако отменять приказ было поздно. Спустя минуту «Самум» уже шел в полный ветер, стеля перед собою песчаную пелену. Шел наперерез кимирскому каравану.

– Береги глаза! – стремительно трезвея, бросил Ар-Шарлахи. – Кто там еще на палубе? Все вниз!

Впереди в мутных наплывах уже проступали контуры кораблей Кимира. Видно было, как спешно убирают на них паруса, как спрыгивают на песок и рассыпаются в цепи воины с боевыми щитами в руках. Потом весь мир впереди словно взорвался колючим ослепительным светом, к счастью, приглушенным сносимой на кимирцев пылью. Свет хлестал в амбразуру, жалил из щелей узкими лезвиями. Самый опасный участок пути. Проскочить... Проскочить и не загореться... Но главное, конечно, проскочить... и не врезаться в кимирца... и не положить корабль набок...

Присевший и скорчившийся у штурвала Ар-Шарлахи так и не решился качнуть рулевое колесо, хотя ему казалось, что просвет между кораблями кимирского каравана, увиденный им несколько секунд назад, располагался чуть левее по курсу...

Говорят, пьяным сопутствует удача. Похожая на таран, атака «Самума» была столь внезапна и неразумна, что кимирцы не успели даже как следует построиться. Наведи они все щиты одновременно – и никакая пылевая завеса не спасла бы. Под всеми парусами безумный ослепший корабль буквально пронизал флотилию и, не сбавляя хода, ушел в пустыню. Преследовать его было некогда, потому что теперь в лоб кимирцам выходил целый караван...

И караван этот был встречен по достоинству. Налетев на плотное белое пламя, отраженное боевыми щитами, досточтимый Хаилза несколько запоздало скомандовал поворот и в результате едва не положил «Саламандру» набок. Принимать бой, находясь в столь невыгодной позиции, он, естественно, не решился: кимирцы стояли против солнца, и их было больше. Кроме того, эта стычка могла послужить поводом к очередной войне, так как оба каравана шли по ничьим пескам. Словом, когда три корабля Харвы, отплываясь сгустками смоляного пламени из катапульт, кое-как отползли на мускульной тяге и, развернувшись, легли на обратный курс, пустыня в тылу их противника была уже чиста. Песчаная пелена осела. Безумный корабль, атаковавший флотилию, сгинул бесследно.

Ар-Шарлахи заворочался, просыпаясь. Не обнаружив браслета на запястье, удивился, открыл глаза и не сразу понял, где это он находится. Пол был

недвижен. Ар-Шарлахи приподнялся на низком, неожиданно мягком ложе и заглянул в иллюминатор. Никем не преследуемый «Самум» стоял посреди залитой лунным светом песчаной равнины.

Ар-Шарлахи снова откинулся навзничь и наморщил лоб, припоминая. Голова ныла – то ли с похмелья, то ли от всех этих сумасшедших событий. Где-то тут должен был стоять кувшинчик... и чашка... Пошарив по полу, нечаянно задел низкий табурет, вызвав легкий переполох за переборкой. Кто-то куда-то метнулся, зазвучали приглушенные голоса.

Вскоре дверь отворилась, и в каюту караванного вошла Алият, неся зажженный светильник – глиняную плошку с фитилем.

– Где мы? – спросил Ар-Шарлахи.

– В Харве, – ответила она, ставя плошку на пол.

И ему в который раз показалось, что Алият шутит. Потом наконец дошло, что под Харвой она подразумевает не столицу, а государство в целом.

– А где именно?

– Чубарра. Примерно там, куда ты собирался вести Хаилзу... Команда отдыхает. Караулы выставлены.

– Людей много потеряли?

– Никого. У двоих ожоги, один ослеп... но, может, еще оправится... – Алият помолчала, недоуменно сдвинув брови. – Не понимаю... Как тебе это удалось?

– А я знаю? – ухмыльнулся он. – Это надо столько же выпить, сколько в тот раз... Тогда, пожалуй, вспомню...

С этими словами Ар-Шарлахи подтянул к себе кувшинчик и попытался плеснуть в чашку вина. Вылилось несколько капель. Хмыкнул, приподнял брови и, весьма живо изобразив недоверие, заглянул в горлышко. А в самом деле, когда же это он успел все прикончить? Перед сном, что ли?..

Алият нахмурилась.

– А вот пить прекращай.

– Это почему же?

– Мы в походе. Будешь пить – остальные вообще сопьются.

– Строга... – с удовольствием на нее глядя, сказал Ар-Шарлахи. – Строга и жестока... Слушай, посмотри в шкафчике за государем. Там, по-моему, еще один стоял... непечатый.

Алият фыркнула, но все же просьбу исполнила. Поставила кувшинчик на пол, и Ар-Шарлахи, привскочив, немедленно обнял ее за бедра. Алият освободилась рывком.

– Еще раз полезешь – убью, – вполне серьезно предупредила она.

– Ну вот... – обиженно отозвался он, снова опускаясь на ложе. – Как кимирские караваны навывлет низать – так Шарлах. А как собственную любовницу завалить – так уже и не Шарлах... Сбегу я от вас...

– Пей быстрее! – нетерпеливо перебила она.

– Ну вот... – повторил Ар-Шарлахи, сбрасывая с лица повязку и откупоривая кувшинчик. – То вообще не пей, то пей быстрее...

– Куда столько льешь? Полчашки, не больше, чтобы мозги прочистить! Сейчас люди придут...

Ар-Шарлахи не донес чашку до рта и воззрился непонимающе.

– Зачем?

– Будем думать, куда дальше двигаться. И, имей в виду, последнее слово – за тобой.

Ар-Шарлахи крикнул, отхлебнул и недоуменно поиграл бровью.

– А сама как считаешь?

Алият ответила не сразу – должно быть, еще не решила толком.

– Можно, конечно, пойти к Пьяной тени... – задумчиво начала она.

– Звучит обнадеживающе, – заметил Ар-Шарлахи. – И где же это такое? Что-то ни разу ни слышал...

– Ну, бывшая тень Ар-Кахирабы... Еще ее называют Ничья тень. Как раз на границе Харвы и Кимира. Там только вино делают, больше ничем не занимаются. Поэтому их ни с той, ни с другой стороны не трогают. Говорят, даже во время войны не трогали. Вина-то ведь нигде больше не достать...

– Так... А еще куда?

– В Турклу. Про Турклу-то хоть слышал?

Про Турклу Ар-Шарлахи слышал. Это крохотное окруженное скальными останцами государство находилось под покровительством Харвы, но только на пергаменте. На самом деле Туркла ни от кого особенно не зависела, разве что от разбойничьих ватаг, неизменно находивших пристанище в этом далеко не изобильном, но зато труднодоступном оазисе. Вся контрабанда, все награбленное по обе стороны границы добро шло, в основном, через Турклу.

– Да, это, пожалуй, надежней...

– Надежней, – согласилась Алият. – Только сразу туда идти не стоит. С пустыми руками в Туркле делать нечего.

Ар-Шарлахи поперхнулся вином и закашлялся.

– То есть?!

Алият смотрела на него, словно ждала, когда же наконец он сам поймет всю глупость собственного вопроса. Так и не дождалась.

– Ну вот что! – Ар-Шарлахи нервно отставил чашку, едва не расплескав остатки вина. – Запомни раз и навсегда! На разбой я вас не поведу! Даже думать об этом не смей!..

Алият непритворно удивилась.

– Вроде в Харве учился, – упрекнула она, – а законов не знаешь. Да теперь ты хоть всю Пальмовую дорогу разграбь!.. Когда тебя поймают, никто об этом даже и не вспомнит. Ты – государственный преступник. Ты бунт поднял. Ты на границе два каравана стравил...

Ощупанный внезапным страхом, Ар-Шарлахи невольно выпрямил спину.

– Кто сказал «альк», тот должен сказать «бин», – важно добавила Алият и испортила этим весь эффект. Ар-Шарлахи дико поглядел на нее и вновь потянулся за чашкой.

– Гляди-ка... – пробормотал он с кривой усмешкой. – Буквы знаешь...

Алият хотела ответить, но вдруг насторожилась и прислушалась.

– Допивай и прячь! – прошипела она. – Идут... Морду прикрой!

Глава 9. ПЕРВАЯ КАТОРГА

Чашки вина как раз хватило, чтобы погасить похмелье и слегка поднять настроение. Не то чтобы Ар-Шарлахи перестал сознавать, насколько все серьезно, просто его сейчас вдохновляла сама глупость ситуации. Не насладиться ею он не мог.

Начал с того, что важно воссел на низеньком табурете и, невольно подражая досточтимому Ар-Мауре, прищурил один глаз. Алият была неприятно этим удивлена, но остальные восприняли все как должное. Колебалось пламя светильника, по стенам каюты караванного гуляли блики. Алебастровый государь слушал и хмурился из угла.

– Так ты говоришь, Рийбра... – Подпустив в голос ленивой сановной хрипотцы, Ар-Шарлахи умолк и выжидающе взглянул на сутулого мятежника.

Тот, судя по движению повязки, судорожно дернул кадыком.

– Говорю, есть такие, что сомневаются... Остальные-то подтверже, а эти... Примкнули сгоряча, теперь вот жалеют...

Ар-Шарлахи выслушал и, подумав, кивнул.

– Таких нам не надо, – равнодушно изронил он. – От таких мы избавляемся.

Все, включая Алият, замерли и недоверчиво уставились на главаря.

– Доберемся до первой тени, – продолжал он, – и пусть идут на все четыре стороны.

Разбойнички переглянулись с видимым облегчением. Слово «избавляемся» в устах Шарлаха могло означать все что угодно.

– А кто у нас купор? Что с провиантом?

Купор, плотный коротыш, чем-то напоминающий караванного Хаилзу, беспокойно шевельнулся.

– Провианта нет, – сказал он и побледнел. – Вернее, есть, но никуда не годный.

Все повернулись к нему.

– Что значит никуда не годный?

– Ну вот... Сухари, например... Сверху – отборные, а глубже – гниль... Я думал сначала, в одном ящике так, а посмотрел – во всех...

– Ладно, проверим. – Опять-таки неумышленно копируя повадки лукавого судьи, Ар-Шарлахи неспешно развернулся всем корпусом к Алият. Та кивнула.

Однако уже в следующий миг глава разбойников утратил величественную осанку и с самым озадаченным видом тронул висок кончиками пальцев. Дошло наконец.

– Так это что же получается? – сказал он другим голосом. – Значит, если бы мы не взбунтовались, то углубились бы в пустыню и...

– Да все равно взбунтовались бы, – тихонько проворчал кто-то. – Гнилой сухарь – первый зачинщик...

Ар-Шарлахи помолчал, соображая.

– Интересно готовил эскадру к походу досточтимый Тамзаа, – молвил он наконец. – Вы не находите?

Розоватый свет масляного фитиля трогал хмурые лбы, вымывал тени из глубоких морщин. Разбойнички силились понять, куда клонит главарь.

– Команду набрал из жителей Пальмовой дороги, – задумчиво продолжал Ар-Шарлахи. – Погонщиком назначил мальчишку... Караванного известил в последний момент... А тот терпеть не может повязок на лицах... Да еще и снабдил гнилым провиантом... То есть получается, что досточтимому Тамзаа позарез был нужен мятеж на головном корабле. Хотел бы я только знать, зачем. Насолить караванному или оставить государя без морской воды?

– Какая разница? – процедила Алият, и на нее укоризненно оглянулись. О чем бы там главарь ни разглагольствовал, прерывать его не следует.

– Теперь уже никакой, – согласился Ар-Шарлахи. – Хотя... Наверное, и на других кораблях то же самое...

– И что?

– А то, что в ближайшее время караванный искать нас, скорее всего, не будет. Он будет искать провиант...

– Мы – тоже, – напомнила Алият.

– Да, – подтвердил Ар-Шарлахи, разворачивая карту. – Мы – тоже. Кстати, не удивлюсь, если и вода окажется гнилая...

Он вновь приосанился, насупил брови и принялся усиленно изображать из себя стратега. Тщетно прожигала его Алият темными своими глазами. Пьяница откровенно развлекался, словно глумясь над их отчаянным положением. Однако вскоре палец его, глубокомысленно бродящий по изображению пустыни Чубарра, словно прилип к свитку. Некоторое время Ар-Шарлахи оторопело смотрел на карту, потом медленно поднял недобро усмехнувшиеся глаза.

Скрытые чуть ли не до переносиц розоватыми повязками темные лица разбойников подались к главарю. Все разом почуяли, что решение уже принято.

– Провиант нам поставит досточтимый Ар-Маура, – хрипловато объявил Ар-Шарлахи. – Уверен, что по старой памяти он не откажет в моей просьбе... Выступаем завтра утром... Да! Что со щитами?

Широкоплечий низкоголосый бунтовщик гулко откашлялся.

– Двадцать девять человек на сорок щитов, – хмуро пробасил он. – Маловато... Офицеров-то всех побили... ну и еще кое-кого...

– А из палубных никто щитом не владеет?

– Да как?.. Я спрашивал. В руках держать, конечно, могут...

– Ладно, – решил Ар-Шарлахи после недолгого раздумья. – В крайнем случае, будут стоять и делать вид, что все их боятся... Главное – напугать. Значит, завтра с рассветом идем к тени Ар-Мауры. Кому что неясно?

Сидящие неуверенно покосились на сутулого Рийбру.

– Тут такой вопрос... – не поднимая глаз, угрюмо начал он. – Причем у всех, не у меня у одного... Ты – погонщик. Я – вроде как помощник твой... А она кто?

Алият вскинула голову и встретила глазами с Ар-Шарлахи. Несколько секунд они неотрывно смотрели друг на друга. Наконец Ар-Шарлахи усмехнулся и с веселым вызовом оглядел напряженные лица разбойничков.

– Она – это я.

Ответом было оторопелое молчание.

– Да пойми ты! – горячо и жалобно убеждал Ар-Шарлахи, снова оставшись в каюте караванного одни на один с Алият. – Если я начну всерьез ко всему этому относиться... Да я просто с ума сойду! Свихнусь и под колесо лягу!..

– Смотри других не положи! – недружелюбно отвечала ему Алият. – Дошутишься!.. Как ты собираешься идти к тени Ар-Мауры? Напрямик?

– А почему бы и нет? Ветра благоприятствуют...

– А на караван налетишь на какой-нибудь?

– Ограблю, – невнятно ответил Ар-Шарлахи, заедая глоток вина апельсиновой долькой.

– Караван? – возмутилась она, но тут же сообразила, что это очередная его дурацкая шутка. – Грабитель выискался! Что ж ты сегодня тут кричал, что на разбой не пойдешь? А теперь вдруг сразу на оазис налет затеял!..

– С Ар-Маурой надо рассчитаться, – мрачняя, проворчал Ар-Шарлахи. – Разбой тут ни при чем...

– Убьешь? – с любопытством спросила Алият.

Он нахмурился.

– Убить – не убью... А провиант он нам поставит. И вино тоже кончается... Ну чего смотришь? Да если я протрезвею... Знаешь, что тогда будет?.. Сама тогда разбирайся со своими разбойничками!..

– Да какие они разбойники!.. – с досадой сказала Алият. – Так, сброд всякий... Рийбра этот... Зря ты его помощником сделал... Ладно. Пойду с купором сухари глядеть.

Возле двери она приостановилась.

– Кем же, не пойму, ты меня назначил?

– А за что тебя назначать? – удивился он. – Обнять – и то не даешь, не говоря уже о прочем...

Алият вылетела из каюты и с треском захлопнула дверь.

Стоя на подрагивающей палубе в тени огромного косого паруса, Ар-Шарлахи рассеянно оглядывал бесконечную песчаную зыбь Чубарры и не без злорадства слушал, как сутулый озабоченный Рийбра, то и дело оглядываясь на рубку, вполголоса порочит Алият.

– ...Вот ты ее тогда оставил у штурвала, – опасливо ворочая глазами, сипел мятежник, – и что вышло?.. Чуть караванному нас всех не сдала!.. И сейчас тоже... Что она тут погонщика, понимаешь, из себя строит?.. И врет она, что караульный спал. Не спал он – так, прилег...

Кругом пылали белые, как кость, пески. Сухой кипяток ветра обжигал лоб.

– Еще раз приляжет – пойдет пешком, – лениво изрек Ар-Шарлахи.

Рийбра запнулся, глаза его на секунду обесмыслились, остекленели.

– Нет, ну... правильно... – поддакнул он. – Так и надо... Но чего нос-то в каждую щель совать? Вся команда на нее из-за этого обижается... И, главное, нет чтобы Айчу спросить или там Ирреша – она ведь больше с Ард-Гевом шепчется и со всей его шайкой... Конечно, они ей про меня такого наплетут!..

Ар-Шарлахи с любопытством взглянул на разобиженного Рийбру. Надо же! Оказывается, даже тут интриги... Как при дворе в Харве... Сутулый мятежник всерьез опасался, что кто-то оговорит его перед главарем, и с наивной неуклюжей прямоотой принимал меры.

Ар-Шарлаху вдруг стало противно. Ветер с шипением выхватывал из под колес песчаные струи и развеивал их над барханами, как прозрачные знамена. А Рийбра все не унимался:

– Вот ты говоришь: «Она – это я», – шуршал он, погасив голос до шепота. – Ну так пусть бы и делала то, что ты ей сказал! Ты ж не караулы ее послал проверять, а сухари смотреть... «Она – это я...» Как это: «Она – это я»? Из-за кого мы вообще бунт поднимали? Из-за нее, что ли?..

«Надо его как-то осадить, – с внезапным испугом подумал Ар-Шарлахи. – Ты смотри, как оплетает!.. Да с намеками уже, чуть ли не с угрозами...»

Но осаживать Рийбру не пришлось. Оборвав речь на полуслове, интриган уставился поверх украшенного тремя складками плеча Ар-Шарлахи. Тот обернулся, уже догадываясь, кого он там увидит.

Темные прищуренные глаза Алият метали искры.

– Дождался? – процедила она, обращаясь исключительно к Ар-Шарлахи.

Тот не понял, и тогда Алият молча ткнула пальцем в еле приметное дымное пятнышко у колеблемого зноем горизонта. Потом возвела глаза к плещущемуся на верхушке мачты белому рваному вымпелу и резко повернулась к Рийбре.

– Почему наверху никого?

Сутулый интриган-мятежник смятенно пошевелил губами повязку и повернулся к Ар-Шарлахи, как бы за помощью.

– А в самом деле, почему? – холодно проговорил тот.

Рийбра поглядел на него с ужасом и метнулся к приземистой носовой надстройке.

– Верховых на мачты! Живо!..

– Ну вот... – обреченно сказала Алият, всматриваясь и словно пытаясь заглянуть за горизонт. – Сходили прямиком до Ар-Мауры!.. Судя по скорости, не торговец – уж больно резво бежит...

Тем временем из люка неспешно, с ленцой выбрались две фигуры в белых балахонах, но увидев на палубе Шарлаха, да еще и Алият, подхватились и кинулись к мачтам, на ходу завязывая полы вокруг пояса. Однако уже на уровне первого рея ветер рванул балахоны, распустил узлы, и стало казаться, что по обеим мачтам медленно ползут вверх два бьющихся белых флага.

– Что? – плачуще выкрикнул запрокинувший голову Рийбра.

– Вроде военный, – прокричали сверху. – Одномачтовая каторга. Навстречу идет...

– Один?

– Да вроде один...

Рийбра вернулся, жалобно морща лоб.

– Это Айча проспал... А я ему говорил... Вчера говорил... и сегодня...

– Н-ну... один – вроде еще не беда... – промолвил Ар-Шарлахи, но настолько неуверенно, что фраза прозвучала, как вопрос.

– Да конечно! – с жаром поддержал Рийбра. – Не погонится же он за нами в одиночку!.. – Преданно уставился на главаря. – Готовиться к повороту?

– Вот если начнем удирать, погонится обязательно, – сказала Алият. – А у нас только двадцать девять щитов... И вообще людей мало... Чем отбиваться будем?

– Да что ж мы, от каторги не уйдем? – возмутился Рийбра. – От одномачтовой!..

– Уйти-то уйдем, а завтра в Зибре станет известно, где нас искать... – Алият запнулась и добавила с тоской: – Вот за что я не люблю эти дневные переходы!..

Взглянула вверх, на рвущуюся с оконечности мачты узкую полосу белоснежной выжженной солнцем материи.

– Снять эту тряпку и снова выкинуть выпел?.. – безнадежно предположила она. – Может, не остановят?..

Мужчины, оробев, молчали.

Внезапно смуглые черты над повязкой исказились, и Алият с ненавистью поглядела на Ар-Шарлахи.

– Караваны он грабить собрался! Ты с одной этой каторгой сладь!.. – Тут она осеклась, всмотрелась, затем зрачки ее расширились, и Алият в ужасе схватила Ар-Шарлахи за белоснежные складки на груди. – Не вздумай даже!..

Ар-Шарлахи медленно отодрал цепкие женские руки от своего балахона и с каменным лицом повернулся к отпрянувшему Рийбре.

– А ну давай всех наверх! – не разжимая зубов, выговорил он. – Щиты на борт! Идем на сближение!..

Каторга была захвачена без потерь и до смешного легко. Отсигналив плоским зеркальным щитом приказ остановиться, «Самум» лег в поворот и зашел против

солнца. Погонщик каторги был, по-видимому, весьма удивлен таким требованием, но подчинился. Пока на четырехколесном одномачтовике убрали паруса, «Самум» успел рассыпать цепь из сорока боевых щитов, в которую, правда, входили и одиннадцать матросов, кроме первой позиции, о зеркальном бое понятия не имеющих. Хотя с тридцати шагов, стоя на твердой земле, да еще и по неподвижной цели даже им трудно было бы промахнуться.

Собственно, дело уже было сделано: оказавшись в таком положении, можно сдаваться без колебаний. Но погонщик каторги был настолько любезен, что даже после этого откровенного маневра так ничего и не понял. Когда нагло приблизившийся Ар-Шарлахи потребовал, чтобы офицеры и команда покинули судно, был выполнен и этот приказ. Как выяснилось, погонщик полагал, что его каторгу посреди пустыни собираются обыскивать на предмет контрабанды. Пока у надсмотрщиков отбирали ключи, он грозил Ар-Шарлахи отставкой и опалой, изрядно этим веселя команду «Самума», однако вскоре из люков с воем хлынули раскованные каторжане, и настал горький момент прозренья. Лишь тогда бросилось в глаза незадачливому погонщику, что на обеих мачтах остановившего его корабля полощутся клочья выбеленной солнцем ткани, а вовсе не выцветшие зеленые вымпелы флота Харвы, как это ему представлялось раньше.

Глава 10. БЛИСТАТЕЛЬНАЯ АЛИЯТ

Не желая более рисковать, решили отогнать оба судна подальше от этого опасного скрещения путей и затаиться где-нибудь в барханах, тем более что на горизонте снова завязалось смутное облачко, причем куда обширнее первого. Правда ползло оно по кромке, не приближаясь, и особой тревоги не вызывало.

Отойдя на несколько миль, залегли в ложбинке между двумя песчаными гребнями, прихваченными корнями узловатых кустарников, и занялись добычей.

Часть провизии, обнаруженной на борту «Белого скорпиона» (так называлась каторга) перегрузили на «Самум». А вот захваченный груз вызвал недоумение. Выяснилось, что каторга везла в Зибру боевые щиты. Только щиты и ничего больше.

– Что с ними делать? – озадаченно спросил Ар-Шарлахи, оглядывая сваленную на песок стопу обернутых в толстую материю дисков.

– В крайнем случае, попробуем продать в Туркле, – с сильным сомнением промолвила Алият.

– Кому?

– За боевыми щитами кимирцы охотятся. Скупают и перепродают в казну. Сами-то они их в Кимире делать не умеют...

Сидящий рядом на корточках командир зеркальщиков Илийза развернул ткань, поставил сияющий диск на ребро и, внимательно осмотрев, присвистнул.

– Что? – повернулся к нему Ар-Шарлахи.

Не отвечая, Илийза вскинул щит на грудь и, держа его за обе ручки, плавно послал яркий овальный зайчик по склону и обратно. Потом еще раз, но уже сменив направление. Хмыкнул и, проваливаясь по щиколотку в песок, полез со щитом на гребень. Ар-Шарлахи с Алият переглянулись и последовали за ним.

Илийза окаменел среди узловатых мелколистных деревьев, едва доходивших ему до пояса. Припав хищным глазом к прицельной планке, он наводил щит на что-то весьма отдаленное. Потом расслабился и повернул к Ар-Шарлахи темное, изрубленное морщинами лицо. Нежно блеснул на виске подживший розовый ожог.

– Ну, таких я еще не видел, – со сдержанным удивлением сообщил Илийза. – Наши-то щиты собирают зайчик в точку шагах в тридцати, а этот бьет... – Он с уважением оглядел сияющий диск и покачал головой.

– Дальше, что ли?

– Да чуть ли не на сотню шагов!

Теперь уже присвистнул Ар-Шарлахи.

– Ну-ка дай-ка!..

Илийза отдал щит и огляделся, прищурясь.

– Вон, – сказал он, указывая пальцем. – Рядом с той саксаулиной. Видишь? Давай быстрее, пока не унесло...

В указанном направлении между барханами темнел косматый шар приостановившегося перекасти-поля. Ар-Шарлахи для начала поиграл зайчиком по песку, потом выдохнул и принялся наводить. Сухое растение вспыхнуло и тут же, как нарочно, было подхвачено ветром. Огненный шар подпрыгнул и полетел над барханами.

– Неплохо, – оценил Илийза. – Я смотрю, ты и со щитами дело имел...

– Да как?.. – сказал Ар-Шарлахи. – В строю, конечно, не ходил. Так, баловался...

– Гляди-ка! – подивился Илийза. – И глазомер, и руки, главное, не дрожат...

Услышав про дрожащие руки, Ар-Шарлахи и Алият одновременно вскинули глаза, и Илийза крикнул, сообразив, что сказал бестактность.

– Что?.. Сильно заметно?.. – упавшим голосом осведомился Ар-Шарлахи.

– Да нам-то какое дело?.. – покашливая от неловкости, уклончиво пробасил зеркальщик. – Может, тебя вино... это... – Он выразительно пошевелил пальцами возле лба. – ...взбадривает...

Все трое нахмурились и зачем-то принялись оглядывать лежащую у ног песчаную ложбину. Прямо перед ними, слегка накреньясь, угрожающе поднимал розовую с золотом корму «Самум». В полусотне шагов белела захваченная каторга. Потом Ар-Шарлахи спохватился и вернул щит.

– Как же они их все-таки в Харве делают?.. – буркнул он, явно меняя тему разговора. – Ну вот попробуй такое выковать!..

– Почему в Харве? – не поняла Алият. – Харва на севере, а каторга шла с юга... Щиты новенькие, неразвернутые...

– Слушай, а ведь кивающие молоты, по слухам, как раз на юге... – начал было Ар-Шарлахи, но закончить мысль ему не пришлось. С дальнего конца ложбины донесся взрыв яростной ругани, и все обернулись.

– Что-то случилось, – озабоченно сообщила Алият. – Вон Рийбра бежит...

Сутулый Рийбра, спотыкаясь и вздымая песок не хуже военной каторги, торопился к «Самуму» с каким-то свитком в руке. Возле «Белого скорпиона» галдела толпа. Переглянувшись, трое сбежали вниз по оползающему песку.

– Я их сейчас поубиваю всех, этих каторжан! – вне себя завопил подоспевший Рийбра. Он вел себя настолько свирепо, что невольно закрадывалась мысль: трусил, но трусом показаться не хочет.

– Что там стряслось?

– Расковали их на свою голову! – орал Рийбра, потрясая свитком. – А они уже двух пленных убили!..

– Надсмотрщиков... – понимающе кивнув, как бы про себя примолвил Илийза.

– Ну а то кого же? Конечно, надсмотрщиков!.. Я ему говорю: «Вот ты их убил! А выкуп теперь за них – с кого? С тебя, что ли, получать?..» А он мне: «Всех сейчас перебьем – будет вам тогда выкуп!..» Вот! – Рийбра ткнул измятым свитком. – Чуть список мне не порвал!..

Он готов был возмущаться и дальше, но тут вмешалась Алият.

– Щиты – в трюм! – скомандовала она с такой решимостью и злостью, что Рийбра чуть не подавился повязкой. – Людей – к барабану! Отгонишь «Самум» шагов на четыреста... Быстрее, быстрее! – Стремительно обернулась к Илийзе. – Готовь своих! Как только остановитесь, строй фалангу и жди нас... – Она чуть помедлила и с нежным вызовом взглянула на главаря. – Ну что? Пойдем, Шарлах...

Возможно, с юмором у Алият дела и впрямь обстояли неважно, но зато умение уязвить подчас наводило оторопь...

Открытый бортовой люк «Белого скорпиона» обороняло человек пять мятежников с «Самума» и среди них бледный мальчонка-писарь. А раскованных каторжан было много. Около сорока.

– Ну ты чего там бормочешь? Вино давай, говорю!..

– Виноставляй, ты! Кисточка щипанная! Тебя что, из люка вынуть? Сейчас вынем...

– Во! – разинул рот кто-то. – Еще командиры пожаловали!..

Толпа зашевелилась, как бы выворачиваясь наизнанку. Точнее – налицо. Вскоре все уже глазели на Ар-Шарлахи и Алият. Писарь хотел было воспользоваться такой возможностью и захлопнуть люк, но Алият показала ему рукой: не надо. Уверенность ее произвела определенное впечатление, и толпа заинтересованно примолкла.

– К кому попали – знаете? – скорее равнодушно, чем презрительно, прозвучал в тишине хрипловатый мальчишеский голос Алият.

– А нам без разницы... – отозвался в толпе, по всему видать, уже сильно пьяненький каторжанин.

– Говорят: к Шарлаху... – настороженно добавил другой.

– Стало быть, знаете, – все так же невыразительно продолжала она. – Так вот, Шарлах желает выяснить, кто из вас без приказа убил двух заложников. Заложников, за которых он собирался получить выкуп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lukin_evgeniy/razboynich-ya-zlaya-luna

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)